БИБЛИОТЕКА ИЗД-А „СВОБОДНАЯ РОССИЯ“

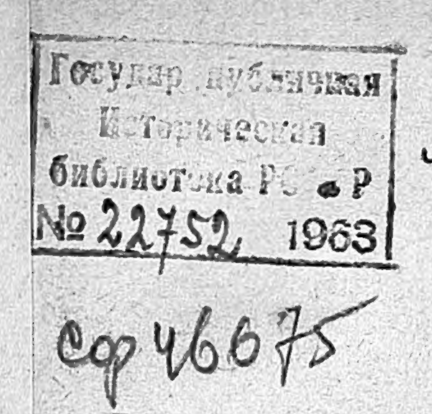
С. ЗАГОРСКИЙ

РАБОЧИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Париж

1925

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.

БЕЗРАБОТИЦА.

Бич рабочего.

Так клеймили всегда социалисты одно из самых страшных зол современного капитализма.

Безработица — наиболее яркое выражение капиталистического строя. Поэтому, социалисты всегда указывали на то, что этот поистине бич Божий для рабочих должен исчезнуть с уничтожением капитализма: когда рабочий класс возьмет всю власть в свои руки, не только политическую, но и власть экономическую, власть над производством и обменом, когда государство, управляемое рабочим класом, ведя на началах планового хозяйства все народное хозяйство страны, будет регулировать народное производство и обмен, оно обеспечит каждому гражданину осуществление права на труд, и безработица отойдет в область мрачных преданий истории.

Коммунистическая партия держит в своих руках теперь политическую власть. Она сохраняет национализацию всей крупной, средней и части мелкой промышленности, транспорта, внешней и отчасти внутренней торговли и кредита. Она утверждает, что ведет «плановое хозяйство», она регулирует всю хозяйственную жизнь. Она отдает приказы по хозяйству, как по армии.

Статистические учреждения советской власти ежедневно следят за всеми клебаниями хозяйственной кон'юнктуры. Они все высчитывают, все устанавливают заранее, все предвидят.

«Высшие регулирующие государственные органы», которым несть числа, с Госпланом во главе, обсуждают все явления хозяйственной жизни с точностью до одной

десятой. Они все предусматривают заранее, все предписывают, все «планируют». Каждый месяц Госплан обсуждает подробнейшие и ученейшие доклады о хозяйственной кон'юнктуре за истекший период. На основании этих докладов делаются заключения о том, что было и чего не было, и принимаются решения на ближайший период.

Промышленности даются подробнейшие задания в области призводства. Государственный аппарат обмена действует, согласно строгим предписаниям начальства. На аптекарских весах Комиссариата Финансов, ВСНХ и Госплана, взвешиваются со всей строгостью размеры средств, которыми должна и может располагать промышленность. Бесчисленное множество контрольных и ревизионных комиссий тщательно следят за выполнениями «заданий» и «назначений».

И в результате... огромная армия безработных растет с каждым месяцем.

Эта армия составляла по всей России[1]):

В октябре 1922 г.	519 300	человек
» январе 1923 г.	683 000	»
» апреле 1923 г.	844 500	»
» октябре 1923 г.	1 087 500	»
» январе 1924 г.	1 254 500	»
» феврале 1924 г.	1 298 500	»
» марте 1924 г.	1 321 000	»
» июне 1924 г.	1 400 000	»
» ноябре 1924 г.	725 000	»
» январе 1925 г.	800 000	»
» апреле 1925 г.	900 000	»
» июле 1925 г.	1 200 000	»

[1]) Проф. Подтягин: «Состояние народного хозяйства СССР». Москва, 1924 г. Надо иметь в виду, что советские данные о числе безработных весьма неточны. Биржи Труда, на которых лежит регистрация безработных, не справляются с этой задачей. Цифры безработицы сильно колеблются, в зависимости от источника. В одних случаях они обнимают всю Россию, в других только РСФРС. Для 1925 г. см. «Вопросы Труда» № 5—6, 1925 г.

Начиная с периода более широкого применения новой политики, т. е. с средины 1922 г., число безработных увеличилось за год более чем в два раза, а за дальнейшее полугодие — почти в три раза.

Приведенные выше цифры тем более показательны, что с конца прошлого года была произведена новая «чистка» и перерегистрация безработных. Целый ряд категорий безработных был исключен из регистрации. Все это было придумано для того, чтобы скрасить истинное положение вещей и уменьшить, хотя бы на бумаге, число безработных. Благодаря этой «чистке», число «зарегистрированных» безработных упало в ноябре 1924 года до 725 тыс. человек. Но затем, в течение всего лишь полугодия, оно снова возросло более чем в 1½ раза.

Ни такого абсолютно огромнаго числа безработных, ни такого их систематического увеличения не знает в настоящее время ни одна страна. Значительно число безработных и в Германии и в Англии. Но в этих странах все же за последнее время замечается тенденция к сокращению.

О числе безработных на Западе можно судить по следующим данным, относящимся к наиболее важным странам [1]):

	Германия	Англия	Швейцария	Австрия	Чехословакия
Сентярбь 1922 г.	52 349	1 414 373	32 013	38 000	232 394
Март 1923 г. ..	340 711	1 303 476	29 524	152 828	369 420
Сентябрь 1923 г.	501 544	1 344 667	14 791	79 289	210 535
Январь 1924 г...	1 158 586	1 371 470	21 750	119 766	193 105
Ноябрь 1924 г...	251 244	1 271 481	6 791	115 601	71 938
Март 1925 г. ..	211 259	1 307 937	10 185	175 580	71 884
Июль 1925 г. ..	131 966	1 326 910	9 751	111 886	—

Как мы видим, по абсолютному числу безработных, «социалистическая республика» превосходит все капиталистические страны. Но надо иметь в виду, что абсолютные числа безработных, которыми только и оперирует обыч-

[1]) На основании данных, публикуемых ежемесячником Международного Бюро Труда: «Revue Internationale du Travail».

но советская статистика, говорят еще очень мало. Для того, чтобы судить о размерах безработицы, надо установить, какую долю составляет число безработных в общем количестве трудящихся в стране или в общем количестве организованных в профессиональные союзы. Этих данных советская статистика, в отличие от западно-европейской, не дает, но мы без труда сами можем их установить.

Так, сопоставляя число членов профессиональных союзов и число безработных, мы получим следующий процент последних [1]):

	Число членов проф. союзов	Число безработных абс.	в % к числу членов проф. союзов
Октябрь 1922 г. ..	4 483 095	519 300	11,5
Январь 1923 г. ..	4 499 000	633 000	14,0
Апрель 1923 г.	4 828 000	844 000	17,4
Июль 1923 г.	5 345 000	1 025 000	19,1
Январь 1924 г. ..	5 551 000	1 254 500	22,7
Июль 1924 г.	6 036 000	1 400 000	23,3
Октябрь 1924 г. ..	6 430 500	725 000	11,2
Январь 1925 г. ..	6 604 700	800 000	12,1
Июль 1925 г.	7 200 000	1 200 000	16,6

Таким образом, четверть всего числа трудящихся, об'единенных в профессиональные союзы, являлась в 1924 .г безработной. В настоящее время (начало 1925 г.) этот

[1]) Данные о числе членов профессиональных союзов взяты на основании «Вестника Труда» (№ 5—6, 1924 г.), и «Вопросов Труда» (№ 7—8, 1924 г. и № 5—6, 1925 г.) Каждый из этих источников, хотя оба они публикуются официальными правительственными учреждениями, спецально ведающми вопросами труда, сообщает различные сведения. По данным «Вопросов Труда», органа НКТ, число членов профес. союзов в январе 1924 г. составляло 5 100 000, число безработных среди них — 1 240 000 или 24,3%. В тексте приведены данные «Вестник Труда», (№№ 5—6, 1924 и 1925 г.г.); для января и для июля взяты данные, приведенные в докладе Догадова VI с'езду профессиональных союзов (см. «Труд», 13 ноября 1924 г.).

процент доходит почти до одной трети (если иметь в виду не только официально зарегистрованных безработных).

Между тем, в Англии процент безработных среди членов профессиональных союзов составлял в июне 1925 г. — 12,2, в Германии — 3,5, в Швеции — 7,5, в Бельгии — 1,6, в Дании 9,3 и т. д.

Мы не можем с достаточной точностью утановить, какой процент безработные составляют среди общего числа трудящихся. Советская статистика не дает полных и точных данных о числе трудящихся в России. Но, если принять во внимание, что, по данным «Вестника Труда», органа ВЦСПС, число членов профессиональных союзов по всей России составляло 92% всего числа трудящихся и что, следовательно, число последних достигало около 7½ миллионов человек, можно считать, что свыше одной пятой всего числа трудящихся не имеет работы.

Разрушение семьи и молодого поколения.

Каковы те категории трудящихся, которые наиболее охвачены безработицей?

Вопрос этот имеет первостепенное значение для понимания характера безработицы.

Прежде всего приходится установить, что значительную часть безработных составляют женщины — около половины. Это явление отнюдь не случайное и не временное. Оно приняло хронический характер и вызывается целым рядом причин, лежащих в особенностях советского строя. Так, в %% к общему числу безработных составляли [1]):

1922 г.	Мужчины	Женщины
Январь	47,7	52,3
Июль	40,9	59,1
1923 г.		
Январь	47,3	52,7
Июль	49,1	50,9

[1]) См. «Статистику Труда» за 1924 и 1925 г.г. и «Экономическое Обозрение» за 1925 г.

1924 г.	Мужчины	Женщины
Январь	52,5	47,5
Июль	54,6	45,4
1925 г.		
Январь	61,3	38,7

Этот чрезвычайно высокий процент безработных женщин станет еще нагляднее, если принять во внимание, что среди общего числа промышленных рабочих женщины составляют немного более одной четверти. Это означает, что безработица среди женщин во много раз больше, чем среди мужчин.

Несомненно, это явление в значительной степени об'ясняется тем, что советская политика, разорив и подвергнув обнищанию многочисленные слои населения, среди которых женский труд был распространен в меньшей степени, вызвала теперь для гораздо большего числа женщин необходимость продавать свою рабочую силу. Но кроме этих общих условий, на рост безработицы среди женщин влияет также и советское законодательство об охране труда. Это законодательство, имея в виду свести женский труд к минимуму, не допускает женщин совершенно к целому ряду работ. В других случаях — в особенно вредных производствах, при тяжелой работе, в ночных сменах и т. д. — применение женского труда подвергнуто всевозможным ограничениям. Эти меры вместо того, чтобы принести работнице пользу, поставили женский труд в неблагоприятные условия, сделав его для предприятий гораздо более дорогим, чем мужской труд. Предприятия предпочитают применять мужской труд, который и вытесняет женский [1]).

Улучшилось ли от этого положение женской половины рабочего класса? Ничуть. Наоборот, так как заработка главы семьи далеко недостаточно для прокормления всех членов семьи, так как советские условия заставляют женщин, как мы только что сказали, в гораздо большей сте-

[1]) См. «Вопросы Труда», № 9, 1924 г.

пени, чем до революции, искать заработка, и так как получению этого заработка для женщин поставлены препятствия самим советским законодательством, то работницы оказались в гораздо худшем положении, чем раньше. Сильное распространение безработицы среди женщин вызвало, по свидетельству деятелей профессиональных союзов, сильное распространение проституции.

Вместо охраны женского труда получилось совершенно невыносимое положение работницы, вместо охраны семейного очага — небывалое разложение семьи.

На VI с'езде профессиональных союзов этот вопрос был выдвинут самим Комиссаром Труда, доклад которого признал, что «охрана труда женщин должна быть поставлена так, чтобы они не вытеснялись из производства» [1]).

Но что означает на практике это предложение, если принять во внимание, что именно более строгая охрана женского труда создала тяжелое положение работницы? Оно означает не что иное, как отмену тех ограничений, которые установлены для применения женского труда, т. е. большую свободу этого применения на ночных работах, в тяжелых и вредных производствах. И официальный орган Комиссариата Труда совершенно откровенно заявляет: «Практически уже сейчас необходимо сказать, что наблюдающаяся фактическая работа женщин в ночных сменах, во вредных производствах и в переноске больших тяжестей, вопреки закону, не должна ни в каком случае влечь за собой увольнений работниц с работ [2]).

Другое характерное явление современной безработицы в советской России состоит в чрезвычайно большом количестве среди безработных подростков, процент которых

---

[1]) См. доклад Ком. Труда Шмидта на VI с'езде профсоюзов. «Труд», 14 ноября 1924 г.

[2]) «Вопросы Труда», № 9, 1924 г., стр. 22.

доходил на 1 января 1925 г. до 14, между тем, как среди общего числа рабочих подростки составляют не более 5%.

И в этом случае играют роль условия того же порядка, как и в вопросе о чрезмерной безработице среди женщин. Советское законодательство оказалось и в отношении труда подростков хорошим лишь на бумаге. Оно имело в виду охрану детского труда и установило так наз. «броню подростков», занятых в промышленности. На деле же эта мера свелась, во-первых, к тому, что промышленность не имеет притока рабочей молодежи и осталась без квалифицированного труда, который шел бы на смену старым кадрам. Во-вторых, так как тяжелая нужда рабочей семьи гонит на работу не только взрослых мужчин и женщин, но и детей, то ограничения в применении труда подростков, поставленные советскими декретами, не только не облегчают положения детского труда, но увеличивают безработицу. По заявлению Шмидта в цитированном выше докладе на VI с'езде профсоюзов, среди подростков безработных столько же, сколько и работающих [1]. И в этом вопросе советская власть находит единственный выход из положения в отступлениях от ею же самой созданного законодательства: список производств и профессий, куда до сих пор подростки не принимались, подвергнут пересмотру в сторону его сокращения, и кроме того, допущение подростков сверх установленной «брони» разрешено.

Так, вызванная советской политикой безработица влечет за собой отказ от завоеванных рабочими улучшений в условиях труда и заставляет возвращаться к дореволюционному положению.

Пролетаризация интеллигенции.

Характерные черты советской безработицы заключаются и в составе безработных в зависимости от различных профессий. Это распределение по профессиям пред-

[1]) «Труд», 14 ноября, 1924 г.

ставляется в следующем виде (в %% к общему числу безработных)[1]:

Даты	Интеллигентный труд.	Индустриальные рабочие	Чернорабочие
1 ноября 1922 г.	40	21,8	19,2
1 апреля 1923 г.	38	25,6	21,4
1 июля 1923 г.	37,8	24,8	25,9
1 ноября 1923 г.	38	24,2	26
1 января 1924 г.	36,7	25,0	25,0
1 апреля 1924 г.	35,1	24,9	26,1
1 июля 1924 г.	34,7	25,4	27,2
1 января 1925 г.	31,9	29,1	31,9
1 июля 1925 г.	31,0	26	28

Безработица растет среди квалифицированных промышленных рабочих и среди чернорабочих. Представители интеллигентного труда, в частности советские служащие, продолжают, однако, составлять наибольший процент.

Россия — страна наиболее бедная интеллигентными силами. Представители умственного труда составляют в нашей стране ничтожную горсточку. Никогда еще и нигде страна не нуждалась в интеллигентных силах в такой мере, как в настоящее время в России. И тем не менее именно интеллигенция заполняет главные кадры безработных.

Советская печать и деятели профессиональных союзов любят указывать на сокращения штатов, как на основную причину роста безработицы среди интеллигенции и в частности советских служащих. Это об'яснение правильно лишь отчасти. Но оно, кроме того, и лицемерно. В условиях нормального хозяйственного и политического строя, сокращение штатов в государ. учреждениях и во всевозможных государ. предприятиях отнюдь не означает непременно роста безработицы среди представителей интеллигентного труда. Если бы существовали благоприят-

---

[1]) «Бюллетень ЦСУ», № 84, 1924 г., «Труд», 20 апреля 1924 г., «Экономическое Обозрение», № 17—18, 1924 г. «Вестник Труда», № 7, 1925 г.

ные условия для свободного развития частной и общественной хозяйственной деятельности, интеллигенция вовсе не была бы обязана состоять непременно на государственной службе, зависеть от государства, и государство само отнюдь не было бы обязано содержать всю интеллигенцию страны. Но советская власть, уничтожив всю частную и общественную хозяйственную деятельность, сама лишила интеллигенцию возможности находить работу вне государственной службы. В свое время Ленин подробно доказывал, как политика национализации дает возможность советской власти держать в своем подчинении всю русскую интеллигенцию. Теперь эта политика обращается против самой советской власти, и делая интеллигенцию, наоборот, все более и более зависимой от государства, создала для нее в то же время наиболее тяжелые условия. Лицемерно также утверждение о том, что интеллигентные силы сидят в Москве, кутят, требуют работы и в то же время отказываются ехать в провинцию, где такая огромная нужда в учителях, врачах, инженерах, — как об этом с пафосом морального негодования дурного тона говорил Томский на VI с'езде профессиональных союзов [1]). Увлекшись, Томский предложил снова об'явить эту интеллигенцию «нетрудовым элементом», т. е. вернуться к политике проклятой памяти коммунистического периода, когда вся интеллигенция была об'явлена буржуазией.

Между тем Томский отлично знает, что если интеллигенция, необходимая провинции, не желает туда ехать, то, за ничтожными исключениями, это происходит от того, что условия существования этой интеллигенции в провинции совершенно невыносимы.

О том, каковы эти условия мы будем говорить подробно в главе о заработной плате. Состояние дела народного образования таково, что работники про-

---

[1]) «Труд», 14 ноября 1924 г.

свещения в провинции обречены влачить самое жалкое существование. За неимением средств сеть школ и правительственных учреждений из месяца в месяц сокращаются и безработица в провинции растет. На конференции по просвещению при Главпрофобре выяснилось, что Главопрофобр готовит на 1924—25 г. 26 000 новых студентов-педагогов. Эти новые кадры обречены лишь на то, чтобы увеличить армию безработной интеллигенции в крупных центрах.

«Какую бы область мы ни взяли, сколько бы анкет ни привели, — пишет орган Комиссариата Труда, — мы везде увидим, что работник просвещения получает в деревне столь ничтожное содержание, что он не в силах оставаться долгое время на одном месте и в результате бежит в центральные пункты. Следствием этого бегства мы имеем колоссальное скопление безработных в этих пунктах» [1]).

Вот одна из причин безработицы среди представителей интеллигенции. Мы видим, насколько это далеко от праздной болтовни Томских и Шмидтов.

Что касается инженеров, например, то и здесь рост безработицы вызывается прежде всего общими условиями советской политики.

Уже давно в советской печати делаются указания на массовое бегство инженеров и вообще технического персонала фабрик и заводов, расположенных в провинции. Несомненно немалую роль в этом уходе от промышленной деятельности играет желание заниматься той же промышленной и более всего торговой деятельностью в качестве не подчиненных служащих, но самостоятельных хозяев. Вся атмосфера Нэпа неизбежно располагает к этому. Но наряду с этим действует и другая причина — невозможное положение технического персонала. Этот

[1]) «Вопросы Труда», № 7—8, 1924 г.

персонал живет прежде всего в невыносимых моральных условиях постоянного шпионажа и террора.

Как мы видим, принявшая столь значительные размеры безработица среди представителей умственного труда не есть случайное и временное явление. Ее корни лежат в общих экономических и политических условиях советского строя. Эта безработица в таких размерах может исчезнуть лишь тогда, когда эти корни будут окончательно и начисто вырваны.

Резервная армия труда.

В такой же мере это относится и к той огромной безработице, которая имеет место среди промышленных рабочих и чернорабочих. Здесь безработица также давно уже превратилась в хроническое явление. Даже то оживление промышленности, которое вызвала новая политика, не могло способствовать ее устранению. Наоборот, именно после введения новой политики эта безработица особенно усилилась. Советские условия таковы, что безработица и среди рабочих должна сохраняться и нет никаких оснований рассчитывать на ее сокращение в сколько-нибудь значительных размерах.

Это признается, впрочем, и всеми советскими деятелями, руководителями профессиональных союзов и печатью.

«Положение народного хозяйства, — признавал в своем информационном письме ВЦСПС в апреле 1924 года, — не дает оснований рассчитывать на ликвидацию безработицы в сколько-нибудь короткий срок. Промышленность в ближайшие год-два не сможет поглотить всей свободной рабочей силы, как имеющейся в городах, так особенно прибывающей из деревень. Ясно поэтому, что те меры, которые принимаются госорганами и союзами и какие могут быть приняты в течение текущего года, не в состоянии радикально разрешить проблемы и лишь явятся по-

лумерами, более или менее облегчающими положение безработных [1]).

То же заявляет и Комиссар Труда Шмидт в конце 1924 года на последнем с'езде профессиональных союзов [2]). Тоже говорит и орган Комиссариата Труда: «Ни размеры теперешней или даже улучшенной посылки на работу, никакие страхкассы, ни общественные работы, ни развитие производственных артелей, ни борьба со сверхурочными работами и проч. не могут рассосать современной безработицы, которая в значительной своей части носит устойчивый и длительный характер. Надеяться на это не дают оснований ни современное экономическое положение, ни ближайшая хозяйственная кон'юнктура, ни качественный состав безработных». Об этом же говорит в июне 1925 г. Бахутов, подводя итоги III с'езда советов [3]).

Таково официальное признание банкротства советской власти и в этой области рабочего вопроса.

Тем не менее находятся советские экономисты, по мнению которых «возрождение резервной армии труда нельзя не считать в некотором отношении благопритным симптомом, указывающим на возвращение рабочих с полей в города, под влиянием улучшения общих условий труда и роста заработной платы» [4]).

Имеются и такие, которые считают, что безработицу в советской России нельзя рассматривать, как безработицу, вызванную кризисом промышленности; скорее же наличие безработицы при одновременном всасывании безра-

---

1) «Труд», 20 апреля 1924 г. — «Вопросы Труда», № 5—6, 1925 года.

2) Там же, 14 ноября 1924 г.

3) «Вопросы Труда», № 7—8, 1924 г., стр. 12.

4) Подтягин, указ соч.

ботных в производство можно считать следствием восстанавливающегося медленно народного хозяйства» [1]).

Итак, чем вызвана нынешняя небывалая безработица среди промышленных рабочих? Промышленным под'емом или промышленной депрессией?

Когда один из деятелей Биржи Труда г. Исаев попробовал высказать мнение о том, что безработица и в советской России является результатом хозяйственной депрессии и должна считаться социальной болезнью, редакция «Вестника Труда» (органа ВЦСПС) сочла нужным прочесть автору нотацию и заявить, что «это положение правильно для капиталистического хозяйства, советская же Россия в этом отношении нарушила ранее существовавшие нормы» [2]). По мнению редакции этого журнала, выражающей в данном случае, как мы видели только что, весьма распространенное среди советских деятелей мнение, рост безработицы начинается, во-первых, со времени ликвидации военных фронтов, во-вторых, с момента под'ема экономики страны после перехода к новой политике.

Суммируя все об'яснения роста безработицы, можно установить следующие причины, приводимые советскими деятелями и советской печатью: 1) демобилизация армии, 2) демобилизация промышленности, 3) возвращение в города из деревень городских элементов, покинувших города во время голода и коммунизма, 4) приток из деревень новых элементов под влиянием разложения в среде крестьянства, с одной стороны, и под влиянием лучших условий жизни и труда в городе, по сравнению с деревней — с другой.

В общем и целом эти причины указаны правильно. Но в том то и дело, что все вместе они указывают на то, что

---

[1]) А. Бахутов: «Безработица и политика посредничества». «Труд», 25 октября 1924 г.

[2]) «Вестник Труда», № 5—6, 1924 г., стр. 175.

все народное хозяйство в целом, и промышленность и сельское хозяйство, в частности, находятся во власти жестокого кризиса.

Бесспорно, за годы новой экономической политики произошло оживление в промышленности. Бесспорно также, что в городах произошло за это время улучшение условий жизни и условий труда, которое должно привлекать известные элементы из деревень. Но далеко неблагоприятным симптомом надо считать тот факт, что значительная часть трудящихся, бегущих от деревенской нужды, не находит никакого заработка также и в городах, где паразитически существующая крупная национализированная промышленность не в состоянии дать этим элементам необходимой работы. Точно также показательным фактом является и то, что деревня, несмотря на проделанную с такими жертвами аргарную революцию, выталкивает сотни тысяч трудящихся, не находящих и там постоянного заработка.

Рост населения в городах со времени введения Нэпа несомненен. По данным городской переписи 15-го марта 1923 года, население 358 городов возросло с 7 020 200 жителей в 1920 г. до 8 102 800 жителей в 1923 г. В частности, население в обоих столицах увеличилось с 1 674 500 до 2 533 600 жит. Но по сравнению с дореволюционным и даже довоенным временем население и в Москве и в Петрограде не увеличилось, а уменьшилось, как это видно из следующих данных:

Годы:	Москва	Петроград
1912	1 617 700	2 035 000
1917	2 017 173	2 420 000
1923	1 542 874	1 067 328

Таким образом, дело вовсе не в увеличении городского населения. Гораздо более важную роль в росте безработицы играют другие обстоятельства. Советский режим пролетаризировал огромную массу населения, и те слои его, которые до того или совсем не существовали наем-

ным трудом, или во всяком случае имели обеспеченный заработк, находя его в промышленности и торговле и связанных с ними занятиях, теперь не имеют возможности применять свой труд. Если раньше это влияние советского режима сказывалось исключительно в городах, то за последний год оно стало давать себя чувствовать и в деревнях. Это превращение большей части населения в зависимых от продажи своего труда не заключало бы еще в себе ничего противоречащего советской системе, которая претендует на то, чтобы устанавливать социалистический строй и считаться социалистической системой, если бы наряду с пролетаризацией огромных масс населения шло развитие хозяйственной деятельности вообще. Если бы промышленность при советском режиме развивалась в больших размерах, чем до установления этого режима, то превращение значительной массы населения в трудовой элемент могло бы даже служить под'ему производительных сил страны. Но советская действительность весьма далека и с каждым месяцем все более удаляется от этого идеала. Промышленность и торговля влачат жалкое существование. Они не в состоянии не только поглотить выросшее количество лиц, зависящих от продажи своей рабочей силы, но и то число трудящихся, которым они давали заработок до революции. При таких условиях вызванная советской политикой пролетаризация большого количества населения, с одной стороны, и разорение промышленности и торговли с другой, более всех остальных причин способтвуют развитию безработицы и делают ее хронической. Мы имеем возможность сравнить социальный состав населения за 1920 и 1923 г.г. в Москве и за 1910, 1920 и 1923 г.г. в Петрограде.

По своему социальному положению население г. Москвы распределяется следующим образом [1]):

[1]) По перепиСи 1923 г. См. «Бюллетень ЦСУ», № 77, 1923 г.

Категории	1920 г.	1923 г.	прирост в %
1. Рабочие	205 427	219 059	6,6
2. Прислуга	46 828	63 818	36,3
3. Служащие	223 375	225 886	1,1
4. Лица свободных профессий	6 125	10 300	68,2
5. Хозяева с наемными рабочими	713	5 053	608,7
6. Хозяева без наемн. рабочих..	30 776	70 310	128,8
7. Помогающие члены семьи	3 172	6 707	111,4
8. Разные	1 769	1 917	8,4
9. Иждивенцы	35 202	84 858	141,1
Всего	564 176	699 222	80,6

Как мы видим, особенно значительно увеличились не только хозяева, но и прислуга, помогающие члены семьи, лица интеллигентных профессий и иждивенцы. Число же рабочих и служащих возросло незначительно.

Еще в большей мере это относится к Петрограду, где распределение населения по социальному составу до войны и в 1920 и 1923 г.г. представляется в следующем виде [1]):

Категории:	1910 г.	1920 г.	1923 г.
Рабочие	504 029	147 858	171 445
Прислуга	187 797	37 412	24 900
Служащие	106 654	171 083	117 839
Лица свободных профессий	14 605	2 783	5 202
Хозяева с наемными рабочими	44 331	187	1 912
Хозяева - одиночки ..	76 004	14 770	31 720
Помогающие члены семьи	—	5 703	3 457
Иждивенцы	166 150	60 700	86 756
Всего	1 099 570	440 496	443 231

[1]) «Бюллетень ЦСУ», № 80, 1923 г. В группу «рабочие» для 1910 и 1923 г.г. включены приказчики, буфетчики, ресторанная прислуга и т. п. служащие.

Эта сравнительная таблица дает возможность сделать ряд чрезвычайно важных выводов социального порядка. По сравнению с 1910 г. в 1923 г. количество самодеятельного населения уменьшилось в $2\frac{1}{2}$ раза, по сравнению же с 1920 г., т. е. за время «новой политики» оно осталось почти без изменений. По сравнению с 1910 г. число рабочих сократилось почти в три раза, по сравнению с 1920 г. оно увеличилось всего лишь на 20%. Чрезвычайно сократилось по сравнению с довоенным временем и с коммунистическим периодом количество прислуги. Число же служащих, уменьшившееся по сравнению с коммунистическим периодом, увеличилось по сравнению с довоенным временем, между тем число лиц свободных профессий сократилось более, чем в два раза.

Хозяева с наемными рабочими почти исчезли, число хозяев - одиночек уменьшилось в $2\frac{1}{2}$ раза по сравнению с довоенным временем. Но в сравнении с 1920 г. число хозяев - одиночек увеличилось более, чем в два раза.

Мы видим таким образом, что за время новой политики, как раз число рабочих и прислуги увеличилось в гораздо меньшей степени, чем число хозяев и лиц свободных профессий. Это же явление имеет место и в Москве. Таким образом говорить о демобилизации населения, бывшего в армии, промышленности и различных учреждениях, связанных с гражданской войной, как о причине безработицы, не приходится.

Причина ее лежит в том, что промышленность, весьма слабо развивающаяся, не в состоянии поглотить всей армии пролетаризированных советской политикой и прежних рабочих. На 1 января 1914 г. число фабрично - заводских рабочих исчислялось в 2 700 000 человек, на 1 января 1924 г. — в 1 627 000 чел., т. е. на 40% меньше, на 1 января 1925 г. 1 770 089 или 63% числа 1914 г. За весь 1922 г. число рабочих, занятых в национализиро-

ванной промышленности, увеличилось на 7,3% за весь 1923 г. — на 7,4%, за июнь 1924 г. — на 8,7% [1]).

Изменения в числе рабочих, занятых в крупной национализированной промышленности, подчиненной ВСНХ, и в количестве безработных среди индустриальных рабочих и чернорабочих, представляются в следующем виде[2]):

Месяцы	Число занятых рабочих		Число безработных	
	абс.	в %	абс.	в %
Октябрь 1922 г. ..	981 074	100	212 913	100
Апрель 1923 г.....	1 091 228	111	396 915	186
Октябрь 1923 г. ..	1 187 166	121	543 750	255
Январь 1924 г. ..	1 205 246	122	627 250	294
Апрель 1924 г.....	1 186 718	120	673 710	316
Июнь 1924 г.	1 225 964	124	742 000	348
Январь 1925 г. ..	1 432 000	145	491 000	321
Июнь 1925 г.....	1 508 000	153	600 000	283

Таким образом, число рабочих, занятых в крупной национализированной промышленности, увеличилось за 2½ года на 33%, число безработных возросло почти в 3 раза. При этом, в данном случае мы взяли лишь безработных, сведения о числе которых получены по 70 биржам и после «чистки».

Для чего же существует эта содержимая на народные деньги «национализированная» промышленность, если она не в состоянии выполнить даже такой элементарной задачи, как обеспечить работу рабочим, ищущим ее?

Кроме индустриальных пролетариев, в советской республике появился и земледельческий пролетариат. Число сельских наемных рабочих определяется в 2 500 000 человек. Среди этих батраков более половины подлинных пролетариев. По утверждению советской печати, в Московской губернии лишь 57% всего числа батраков имеют

---

[1]) «Труд в СССР». Статистическо-экономический обзор. Изд. ВЦСПС, Москва 1924 г. — «Статистика Труда», № 4, 1925 года.

[2]) Для числа занятых рабочих см. «Экономическое Обозрение», № 21, 1924 г. и № 1—3, 1925 г.

собственное хозяйство, в Кубано-Черноморской губ. — лишь 40%, в Омской — лишь 31%[1]. Кадры батраков и полубатраков в деревне растут.

Расслоение среди крестьянства увеличивается. По данным Бахутова, этот процесс расслоения крестьянства уже и теперь дает до 20% всего числа безработных. Из общего числа последних до 30% составляют представители чистого крестьянства[2].

Так как средний годичный прирост числа рабочих, занятых в промышленности, определяется в 8%, то, очевидно, что в этих пределах рассасывания безработицы ждать нечего.

Деревня, пролетаризируемая советской политикой, будет и в дальнейшем выбрасывать новые кадры безработных. Город же, в котором идет свой процесс пролетаризации, не способен поглощать в промышленности даже то количество безработных, которое в нем имеется. Безработица останется, таким образом, хроническим явлением в огромных невиданных размерах до тех пор, пока будет существовать советский режим.

Вся советская политика делает эту безработицу неизбежной, неустранимой ни при каких условиях.

Она — неумолимый, вечный спутник этого режима, она — его порождение. Она им создана в своих нынешних размерах, она может исчезнуть лишь вместе с его исчезновением.

Как советская власть борется с безработицей.

Если советское государство по примеру всех прочих капиталистических государств, не было в состоянии устранить безработицу, как явление, присущее советскому ка-

---

[1] «Правда», 4 ноября 1924 г.—«На Аграрном фронте», № 4, 1925 года.

[2] «Труд», 25 октября 1924 г.

питализму, придумала ли советская власть, по крайней мере, какие - либо новые меры для борьбы с безработицей, или сделала ли она более действительными ранее применявшиеся меры?

Главными способами борьбы с безработицей и с ее последствиями советская власть считает: регулирование рынка труда при помощи Бирж Труда, организацию общественных работ и производительных артелей, социальное страхование на случай безработицы и помощь со стороны профессиональных союзов.

В данной главе мы остановимся на двух первых мерах, откладывая разбор двух последних до соответствующих глав.

Советские Биржи Труда — орудие дезорганизации рынка труда.

Биржи Труда были восстановлены декретом 2 декабря 1922 г. после того, как провалился опыт трудовой повинности и знаменитые «комитеты по учету и распределению рабсилы» стали воплощением ненавистных всем условий коммунистического периода.

Переход государственных предприятий на так называемый « хозяйственный рассчет», об'явление договора найма свободным на основании нового Кодекса законов о труде, приток из деревень населения, вынужденного искать работы, потребность со стороны предприятий в новых рабочих силах во все большем количестве, — все эти условия поставили органы Комиссариата Труда перед постоянно растущей волной безработных и заставили его провозгласить положение, что «регламентация рынка труда является одной из важнейших проблем экономической и политической организации государства».

Из этой регламентации на деле, однако, ничего не вышло, эта «важнейшая экономическая и политическая проблема», как мы видели, отнюдь не была разрешена. На-

оборот, именно Биржи Труда стали одной из причин еще большей дезорганизации рынка труда и постоянного роста безработицы.

Советская власть с самого начала установила государственную монополию посредничества по найму (ст. 7 Кодекса законов о труде, 15 ноября 1922 г.). Эта монополия, как и все советские монополии, очень быстро выродилась в орудие эксплоатации государственных средств в пользу небольшой кучки чиновников и советских «хозяйственников». Чиновники, поставленные во главе Бирж Труда, выказали полное неумение регулировать рынок труда. Посылка на работу совершалась с таким трудом и так медленно, что рабочим приходилось по 6, 7 и 8 месяцев ждать возможности получить вообще какие-либо указания. На работу посылались, несмотря на первоначальные строгие требования закона, в зависимости от личных связей, знакомств и родства. Предприятия не могли получать нужной рабочей силы ни во время, ни подходящего качества. Биржи Труда стали убежищем для жаждущих получить всевозможные льготы. Звание безработного, зарегистрированного на Бирже, дает право не только получать от государства пособие, но не платить за квартиру, иметь бесплатное передвижение, не платить налогов и т. п. Понятно, что при той общей атмосфере подкупности и моральной развращенности, которая характеризует жизнь советской России, Биржи Труда стали укрывать всевозможные элементы, которым вообще было весьма безразлично получение работы. Предприятия же, которым Биржи не оказывали в деле приискания рабочих никакой помощи, стали нанимать рабочих сами, не обращаясь к Биржам Труда. Нередко посылка Биржей рабочего на место, являлось лишь простым формальным утверждением заранее состоявшегося соглашения.

Благодаря этому, наиболее широкое развитие получил так называемый именной спрос. На 1 января 1923 г. именной спрос составлял 45% всего спроса, в феврале

он дошел до 55%, в марте снова составлял 45%, в апреле — 37%.

Под влиянием такого сильного развития именного спроса, который уничтожил всякий смысл в обязательном найме через Биржи Труда, советская власть вынуждена была декретом 19 февраля 1923 г. значительно расширить круг трудящихся, наем которых разрешался предпринимателям лишь с последующей регистрацией нанятых на Бирже. В течение 1923 г. и первой половины 1924 г. около четверти всех трудящихся уже нанимались, не проходя через Биржи Труда. Для лиц интеллигентного труда этот процент доходил и до 60—70 [1]).

При таких условиях требования обязательного найма через биржу становилось еще более бессмысленным, и, главное, тормозило предпринимателей в получении нужной рабочей силы, а рабочих излишне стесняло в подыскании себе работы.

«Монополия государственного посредничества» никому не приносила пользы, всем причиняла вред и стеснения и больше всего — рабочим.

Биржи Труда, по свидетельству органа Комиссариата Труда, стремились к охвату всего рынка, их целью являлось иметь на учете всех ищущих труда, всю свободную в данный момент наличную рабочую силу, с целью планового снабжения рабочей силой народного хозяйства. А получалось, что на Биржу тянется за льготами, пенсиями и спасительными бумагами самый разношерстный элемент — от вчерашней буржуазии до лиц неопределенных занятий включительно.

Аппарат Биржи оказывается чрезвычайно загруженным лишней, ненужной и даже вредной работой. «Работники Биржи всегда бывали как бы в плену у социально-чуждой пролетарской части безработных элементов, которые никогда не давали возможности заняться активной работой по посредничеству и тем больше кричали и жало-

---

[1]) См. «Труд в СССР», стр. 55.

вались, чем меньше они стремились получить работу»[1]). За небольшими исключениями в отдельных пунктах Биржи, как общее правило, регистрировали всех желающих. Методы работы Биржи были неправильны. Аппарат был весьма слаб. Работа по удовлетворению спроса носила чисто механический характер, с канцелярским подходом[2]). Как признает и г. Бахутов, при такой системе работы сохранялся принцип посылки на работу в порядке простой очередности и механический подбор посылаемых безработных. В особенности это было заметно на крупных Биржах, где наплыв все возрастающей безработной массы не давал возможности соответствующим образом удовлетворять требования спроса.

Понятно, что такая система «регулирования рынка труда» и «планомерного снабжения рабочей силой народного хозяйства» должна была в конце концов вызвать протест со стороны национализированных предприятий. Последние все более и более нуждались в рабочих руках и притом в квалифицированной рабочей силе. Вместо этого Биржи или посылали им совершенно непригодных рабочих, или вовсе не удовлетворяли их требований.

Между тем обязательный наем через Биржу сохранялся в законе и эта обязательность препятствовала подбору наиболее подходящей рабочей силы. Как говорит г. Бахутов, «требование обязательной регистрации на Бирже и посылки на работу исключительно через Биржу при современных экономических условиях нашей страны стало нежизненным».

Бессмысленное требование Кодекса труда, которое в свое время превозносили советские комиссары и деятели профессиональных союзов, обнаружило таким образом свою бессмысленность и должно было отпасть. Под влиянием требований со стороны профессиональных союзов,

---

[1]) «Вопросы Труда», № 10, 1924 г., стр. 8.
[2]) Там же, стр. 10.

советское правительство должно было пойти на отмену этого утерявшего всякое значение правила.

Петроградский Совет Профессион. Союзов первый решил: 1) предоставлять право поступления на работу, как по требованию хозяйственных органов, так и в случае личного подыскания себе работы, безработным, вне зависимости от того, состоит ли данный безработный на учете Биржи; 2) приостановить регистрацию безработных, кроме тех, кто принадлежит к некоторым важнейшим профессиям.

Петроградским профессиональным союзам было предоставлено право произвести опыт отмены обязательного найма через Биржу.

К концу лета 1924 года этот опыт был признан удачным. Было признано, что с отменой обязательного найма через Биржу и с предоставлением и рабочим права свободно искать себе работу и предпринимателям — искать рабочую силу, деятельность Биржи пошла успешнее и борьба с безработицей в Петрограде поставлена в лучшие условия.

Под влиянием этих утверждений 17 августа 1924 года петроградский опыт был распространен на всю Россию.

Биржи Труда были уничтожены. Они земенены Бюро Посредничества по найму.

Как в свое время отделы по учету и распределению рабочей силы оказались настолько ненавистными всем и каждому, что пришлось переменить их название на Биржи Труда, так и теперь самое название «Биржа Труда» настолько оказывается синонимом воровства, взяточничества, беспорядка в ведении дел, что и это название нужно было заменить другим.

Хотя посреднические бюро по найму по прежнему являются монополией советского государства, но обращение

к ним, как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей «совершенно свободно» [1]).

Последний след «коммунистической политики» в области договора найма, таким образом, уничтожен. Получение безработным билета, всевозможных пособий, льгот и привилегий отныне не стоит ни в какой связи с тем, состоит ли данный безработный на учете Биржи или нет. Чтобы как-нибудь прикрыть свой провал в области регулирования рынка труда, советские деятели развивают на все лады ту мысль, что новые посреднические бюро или те же перекрашенные Биржи Труда берут все же на себя задачу регулирования рынка труда. Задачей их становится подобрать требуемые народному хозяйству рабочие силы и с подобранным самым тщательным образом кадром свободных рабочих рук посреднические органы должны выступать с предложением их хозяйственным органам. Отсюда следует, что надо поставить на местах работу таким образом, чтобы спрос по предприятиям и учреждениям выявлялся в должной степени, и хозяйственные органы были бы заинтересованы в получении рабочей силы в организованном порядке. Иначе говоря, создать в полной мере тесное посредничество без момента принуждения [2]).

При всякой новой реформе советские деятели считают своим долгом доказывать, что «мы наверно уж поладим, коль рядом сядем». Отчасти по долгу службы, отчасти по невежеству, им представляется, что достаточно переменить название учреждения для того, чтобы его деятельность сразу улучшилась. А между тем организация новых посреднических бюро по найму возложена на те же комитеты Бирж Труда. Устраивать новые бюро будут следовательно те же лица, которые только что обнаружили свою полную неспособность руководить Биржами даже и

---

[1]) Декрет 2 января 1925 г. признал окончательно необязательным наем через Биржи.

[2]) Бахутов, там же.

при том условии, когда закон принуждал всех предпринимателей обращаться к ним за рабочей силой. Каким же чудом теперь, при восстановлении вольного рынка труда, перекрашенные Биржи с теми же руководителями, с тем же персоналом, с сохранением, следовательно, тех же методов и приемов работы и всей общей разлагающей атмосферы, которая сделала из этих Бирж место укрывательства уголовных преступников, — каким чудом, спрашиваем мы, новые бюро смогут умело и организованно подбирать необходимую рабочую силу?

В настоящее время Биржи Труда в значительной степени утратили свою прежнюю роль посреднических бюро. В первую четверть 1925 г. через Биржу было принято на работу в Москве не более 19%, в Петрограде — 37%, в провинциальных городах — 49%. Большая часть безработных и сейчас находит работу помимо и без помощи Бирж Труда.

Дело в том, что по существу петроградский опыт оказался далеко не столь удачным. Если советская власть распространила его на всю Россию, то только потому, что сохранение Бирж Труда в их прежнем виде было уже невозможно и их нужно было просто упразднить во что бы то ни стало. Вот что пишет «Труд» по поводу петроградского опыта:

«Скрывать не приходится: отмена монополиии найма безусловно открыла шлюзы для широкого развития протекционизма не только в советских учреждениях, но и на заводах. «Знакомство» приобрело, надо полагать, большее значение, чем до реорганизации. Не исключена возможность и отдельных злоупотреблений. Союзам при всех нормальных возможностях будет не так легко преодолеть влияние протекционизма».

Газета правильно указывает, что протекционизм, конечно, не есть порождение новой организации бюро по найму, что он, как мы и указывали выше, играл огромную роль и ранее во всей деятельности Бирж Труда. Но, при-

знавая, что болезнь застарелая, «Труд» заботится лишь о том, чтобы заражение этой болезнью было распространено и на членов профессиональных союзов.

Для характеристики атмосферы подкупности и развращенности, царящих в учреждениях, называемых Биржами Труда и посредническими бюро по найму, показательны далее следующие рассуждения официального органа профессиональных союзов:

«Борьба с этим явлением (т. е. с протекционизмом. — С. З.), затрудняется тем, что очень нелегко установить грань, где кончается «подбор» и где начинается «протекция»: ведь и при самом нормальном подборе знакомство, естественно, играет большую роль. Покончить с протекционизмом так скоро не удастся» [1]).

Соображения безусловно правильные. Несомненно, покончить с протекционизмом в советских условиях не удастся именно потому, что в этих условиях всякий «подбор» превращается в «знакомство» и наоборот. А раз так, то при господстве «вольного» рынка труда, можно себе представить, какая анархия и какая ожесточенная конкуренция царят на этом рынке.

Мы этим вовсе не хотим сказать, что обязательный наем через Биржи Труда не должен был быть упразднен. Наоборот, всякое освобождение рабочего класса от тисков государственного регулирования может быть только на пользу. Мы хотим указать лишь на то, что в советских условиях всякая мера, даже имеющая положительный характер, неизбежно должна вырождаться и вызывать уродливые последствия.

Реформой Бирж Труда не ограничиваются, однако, изменения в политике регулирования рынка труда.

В течение последних лет советские и профессиональные деятели производили неоднократно «чистку» безработных, зарегистрированных на Биржах. Всякий раз по-

---

[1]) См. И. Резников: Ленинградский опыт. «Труд», 4 октября, 1924 г.

сле такой чистки число безработных в очень короткий срок снова увеличивалось. «Нежелательным» элементам удавалось очень легко снова проникать на Биржи, запасаться «билетом» и обеспечивать себе все необходимые льготы.

Предпринимались с целью сокращения безработных и другие меры: отказ в регистрации приезжим в Москву или Петроград, запрещение в'езда в крупные центры ищущим работы, борьба с регистрацией или посылкой на работу, так наз. непролетарского элемента, ищущих работы, но не имеющих достаточного стажа и т. п.

Все эти меры не достигали никакой цели. Отказ в регистрации некоторым категориям трудящихся повлек за собой возникновение так наз. черной биржи.

Да иначе и не могло быть. Отказ в регистрации не может уничтожить наличности безработных. Какие бы льготы и привилегии, предоставляемые числящимся на учете Бирж Труда, ни привлекали на Биржи самые разнообразные элементы, но «от хорошей жизни не полетишь», т. е. не пойдешь часами выстаивать в очередях на Бирже Труда.

Самые утверждения деятелей Бирж Труда и профессиональных союзов, что списки зарегистрированных заполнены элементами, отнюдь не нуждающимися в работе, неверны. Они опровергаются, напр., Исаевым, который категорически утверждает, что ни одна «чистка» не обнаружила присутствия подлинно буржуазных элементов, т. е. лиц, живущих не продажею своей рабочей силы, а доходами с капиталов.

Что же касается требования от безработного для регистрации и посылки на работу так наз. пролетарского происхождения и известного стажа, то это требование и лицемерно и бессмысленно.

Лицемерно прежде всего потому, что раз существовал обязательный прием на работу через Биржу Труда, то, очевидно, всякий ищущий работы, кто бы он ни был, дол-

жен был заботиться о том, чтобы быть зарегистрированным на Бирже. Иначе он не мог бы заключить договора найма, если бы только его предприниматель не захотел нарушить этот закон. Таких нарушений, правда, было больше, чем исполнений. Но издать закон, а затем ставить в вину его исполнение и за это исполнение причислять к «буржуазным элементам» есть чистейшее лицемерие.

С самого начала введения нового Кодекса законов о труде было бессмысленным приравнивать деятелей умственного труда к чернорабочим и требовать обязательного найма через Биржу Труда. Установив это требование, советские деятели затем стали «вычищать» из списков безработных именно представителей интеллигентного труда.

Точно также бессмысленно указание на то, что среди безработных имеется значительное число «бесстажных». Что это означает? Что данное лицо ищет работы? Что оно впервые оказывается в таком положении, когда оно вынуждено продавать свою рабочую силу? Но в чем же здесь преступление с «пролетарской» точки зрения? И почему лицу, впервые ищущему работы, должно быть отказано в посредничестве, тогда как к услугам старых рабочих, опытных по части безработицы и по части приискания работы, должны быть и Биржи Труда и все связанные с ними облегчения? Нет ничего удивительного в том, что в настоящее время армия безработных заключает в себе большое число «бесстажных». Это прямое последствие всего советского режима. Советская политика разорила, пролетаризировала значительную часть не только средней и крупной, но и мелкой буржуазии. Она превратила их в наемных рабочих. Она заставила их войти в армию трудящихся. Но в том ведь и состояла цель коммунистической политики. Понятно поэтому, что теперь в числе ищущих работы имеются и такие элементы, которые ранее в этом не нуждались и потому, вполне есте-

ственно, не имеют «пролетарского стажа». Стремиться сначала превратить все население в пролетариев, живущих продажей своей рабочей силой, а затем об'являть имеющими право на труд лишь пролетариев, перешедших по наследству от капиталистического строя — разве это не верх лицемерия? Но это и не только лицемерие. Это также и политика страуса. Ибо от того, что вновь вошедшие в армию трудящихся и безработных, не будут получать работы, безработица не только не уменьшится, а увеличится еще больше.

Советская политика и в области регулирования рынка труда зашла в такой же тупик, в каком она находится и во всех остальных вопросах.

Тришкин кафтан.

Не будучи в состоянии предупредить возникновение безработицы в столь огромных размерах, что делает советская власть для сокращения числа наличных безработных? Другими словами, в какой мере само советское государство оказывается способным доставлять безработным хотя бы временную работу? Или иначе, что советское государство сумело сделать в области организации так наз. общественных работ?

Строго говоря, с точки зрения советского строя, который называет себя государственным капитализмом, самый вопрос об организации общественных работ не имеет никакого смысла.

В капиталистическом хозяйстве безработица вызывается тем, что частные предприятия не имеют возможности или не имеют желания (что гораздо реже) расширять свою деятельность настолько, чтобы доставить работу и тем, кто оказался без нее. Если частные предприятия не идут на это расширение, то потому, что у них нет на это капиталов, и потому, что они не смогут иметь достаточное количество покупателей своих товаров. Тогда, для того чтобы сократить число безработных, государство или мест-

ные самоуправления предпринимают работы там, где они являются хозяевами и где частная инициатива бездействует.

В советском строе условия должны быть, казалось бы, иными. Земля, фабрики, заводы, почти все орудия и средства производства принадлежат рабоче-крестьянскому государству. Если возникает и в советском строе безработица, то это означает, что у государства нет возможности расширить производство своих собственных национализированных предприятий, или увеличить свою торговую деятельность, или поднять деятельность принадлежащего ему транспорта настолько, чтобы дать возможность иметь работу всем, нуждающимся в ней. Какой смысл в таких условиях имеет организация общественных работ? Прежде всего все работы, выполняемые в государстве, в котором средства и орудия производства национализированы, должны считаться общественными. Затем, если государство находит несколько миллионов рублей для организации общественных работ, то почему оно не употребляет эти же миллионы на расширение производства, или на развитие торговли, или на расшрение транспорта, которые являются теми же общественными работами, т. е. на то, чтобы в этих областях увеличить число работающих? Если оно может это сделать, т. е. может затратить несколько миллионов на организацию новых работ, то почему оно не делает этого заблаговременно? Нет никакой разницы в советских условиях, расширит ли государство производство текстильной фабрики для того, чтобы занять большее число рабочих рук, или оно будет прокладывать какое-нибудь шоссе для той же цели. И в том и в другом случае распорядителем одних и тех же средств является один и тот же хозяин — государство. И наоборот, если государство не имеет средств для того, чтобы расширить производство или торговлю, или транспорт, то это означает, что у него не может быть средств и на так наз. общественные работы. Если же оно расходует известные

средства на эти работы, то этим оно отнимает эти средства у других своих же предприятий, т. е. сокращает их деятельность. Другими словами, давая работу известному количеству безработных в одних предприятиях, советское государство неизбежно в то же время тем самым отнимает работу у известного количества рабочих, имеющих ее. Организация общественных работ при советском строе есть поэтому ничто иное, как политика Тришкина кафтана. Она состоит в том, чтобы штопать дыру кафтана в одном месте, отрезывая кусок в другом месте того же кафтана. Организация общественных работ в советских условиях не только не может сократить число безработных, но должна увеличивать их число.

Как бы то ни было, посмотрим, что советская власть сумела сделать в этой области?

В 1923 году правительство отпустило на общественные работы не более 1 200 000 руб. золотом. Общественные работы производились в некоторых крупнейших городах, но число безработных, занятых на этих работах, было совершенно ничтожно [1]).

На 1924 г. были сделаны требования на организацию общественных работ на сумму в 3 милл. руб. зол. На эти средства можно было дать работу не более 25 000 безработных. Если брать число безработных только среди индустриальных рабочих и чернорабочих, то и по отношению к ним число безработных, занятых на общественных работах, не должно превышать 3%. Вместо 3 миллионов рублей было отпущено, однако, 2 450 000 руб. В действительности на 1 сентября было израсходовано из правительственных сумм 1 100 000 руб. и из местных средств 500 000 руб., т. е. всего лишь половина потребной суммы [2]). По общему мнению и ВЦСПС, и Комиссариата Труда, и представителей мест, организация обще-

[1]) «Труд», 20 апреля 1924 г.
[2]) Там же, 9 октября 1924 г.

ственных работ в должных размерах невозможна из-за отсутствия средств. Да это и понятно по тем соображениям, которые мы только что указали: там, где нет средств на поддержание деятельности фабрики, дающей работу нескольким сотням рабочих, нельзя найти нужные капиталы на представление работы нескольким сотням тысяч безработных.

Так как с самого начала не было надежд на общественные работы, как на способ сокращения безработицы, то внимание было устремлено на другое средство — организацию трудовых и производственных артелей.

«Трудовые» лавочки.

Удалось ли советским деятелям сделать что-либо в этой области?

Данные о количестве организованных артелей, сообщаемые даже одним и тем же источником, чрезвычайно разноречивы и явно не надежны. По данным информационного листка ВЦСПС от 20 апреля 1924 г., в артелях, организованных органами Комиссариата Труда, было занято на 1 сентября 1923 г. 25 000 человек или около 5% всего числа безработных среди индустриальных рабочих и чернорабочих и 2% общего количества безработных. На финансирование этих артелей было ассигновано Комиссариатом Труда 1,6 миллиона рублей.

По данным «Вопросов Труда» (№ 5—6, 1925 г.) — официального органа Комиссариата Труда — к концу 1924 г. артели обнимали до 50 000 человек или 3,7% всего числа безработных и 7,8% числа безработных физического труда.

По данным того же органа (№ 10, октябрь 1924 г.), к концу хозяйственного 1922—23 г. насчитывалось всего 544 артели, в которых было занято 22 384 безработных, а к осени 1924 г. число артелей (хотя и переименованных в коллективы, но по существу оставшимися теми же трудовыми организациями) составляло 869, а чис-

ло занятых в них безработных 40 424 чел. Если мы примем даже наиболее высокую из приведенных цифр — 50 000 человек, занятых в коллективах разного рода, то и в этом случае организация артелей могла играть лишь ничтожную роль в деле сокращения безработицы, предоставив работу горсточке безработных. По мнению ВЦСПС, «артели сколько-нибудь серьезного значения в деле борьбы с безработицей иметь не могут» [1].

Для организации артелей, как и для организации общественных работ, нет капиталов. Иначе оно и не может быть в советских условиях.

Но гораздо важнее другое явление, связанное с развитием артелей. Циркуляр ВЦСПС глухо говорит о том, что «опыт с организацией артелей дал не совсем благоприятные результаты» [2]. Что это значит? Многочисленные факты, сообщаемые Комиссариатом Труда и многими профессиональными союзами, свидетельствуют о том, что артели прежде всего оказываются нежизнеспособными, они очень быстро вырождаются в обыкновенные предприятия коммерческого типа, усиленно конкурируют с мелкими хозяевами, вызывают разорение последних и увеличивают лишь число безработных в данной профессии, наконец, заражают своим коммерческим духом самих деятелей Комиссариата Труда, которые, увлекшись прибылями и конкуренцией, превращают и отделы труда в коммерческие предприятия и затем... попадают на скамью подсудимых.

Вот несколько наиболее ярких примеров [3]. В г. Екатеринбурге в начале 1924 г. по настоянию союза была организована артель в составе 20 человек из состоявших на учете Биржи Труда парикмахеров. В результате деятельности вновь организованной артели мелкие парикмахерские, имея в лице нее сильного конкурента, пользую-

---

[1] «Труд», 24 апреля 1924 г.

[2] Там же.

[3] См. «Вопросы Труда», № 7—8, 1924 г.

щегося всевозможными льготами, закрылись, выбросив на рынок труда большое количество безработных.

Бывшие мастера и даже хозяева этих мастерских зарегистрировались на Бирже и потребовали при содействии союза расширения существующей артели. Число участников в последней увеличилось, таким образом, до 50, но общее число безработных в этой профессии увеличилось еще больше, а государство лишилось дохода от налогов с закрывшихся предприятий.

К таким же результатам привела организация в других местах артелей кожевников, сапожников, швейников. Мелкие кустари в этих районах вынуждены были закрыть свои мастерские и зарегистрироваться на Бирже в качестве безработных. Это дало им возможность попасть в число участников артелей и забронироваться от налогов. Часть их продолжает работать на дому. Пермская Биржа Труда организовала коллектив из безработных поваров и официантов, который открыл ресторан на коммерческих началах и привел к закрытию ряда столовых в городе и к увеличению безработицы среди членов союза. Также неудачно окончилась организация подобного ресторана в Нижнем - Новгороде.

Петроградское бюро общественных и артельных работ привело в результате своей деятельности ответственных работников Отдела Труда на скамью подсудимых. В Иваново - Вознесенске была организована Отделом Труда «Гостройконтора». Сначала эта контора имела своей целью помощь безработным, очень быстро она выродилась в учреждение коммерческого характера и, обнаружив дефицит в 12 000 рублей, должна была прекратить свою деятельность.

Гомельский Отдел Труда взял на себя изготовление 60 000 веревочных снастей силами организованных артелей. В результате деятельность артелей приняла такой характер, при котором губернский Отдел Труда и уездные камеры стали «хозяйственниками».

На уездные камеры была возложена обязанность заготовлять сырье и другие материалы. Губернский Отдел Труда и уездные инспекторы труда, нуждаясь в оборотных средствах для ведения предприятия, вынуждены были прибегать к разного рода коммерческим приемам.

Увлекшись коммерчекой деятельностью, органы защиты интересов трудящихся и охраны труда становятся в положение хозяев по отношению к безработным. Они оказываются вынужденными подчинять свои обязанности в качестве органов защиты труда простым коммерческим интересам.

Многочисленны случаи, когда Биржи Труда и Отделы Труда в целом, арендуя для производственных колективов фабрики и заводы, с головой погружались в хозяйственную деятельность, превращаясь из органов регулирования рынка труда в обыкновенных предпринимателей, заинтересованных не в сокращении безработицы, а в устранении конкурентов [1]). «Артели из безработных явились убежищем и местом для проявления собственнических инстинктов всякого рода дельцов и хозяйчиков», говорит орган Комиссариата Труда. «Получаемая артелями прибыль уже не являлась средством для расширения артелей с целью использования в них большего числа безработных, а шла в хозяйственный оборот для получения наживы ради наживы. Даже в тех случаях, когда артелям нужно было увеличить свой личный состав, они сплошь и рядом привлекали не безработных с Биржи Труда, а лиц со стороны, из числа знакомых или родственников».

Когда таким образом артели дискретировали себя в глазах у всех, а вместе с этим окончательно подорвали авторитет Бирж Труда и доверие к ним и деморализовали Отделы Труда, деятели последних придумали исход из положения в замене артелей «коллективами» и издали

---

[1]) См. «Вопросы Труда», № 10, 1924 г., стр. 20.

новое положение о трудовых коллективах (22 октября 1923 г.). Так как по существу речь шла лишь о перемене названия, так как и организация «трудовых коллективов» и их деятельность были поставлены под контроль тех же Бирж Труда (ныне переименованых), которые именно и выказали не только свою несостоятельность в деле организации артелей, но обнаружили гораздо больше коммерческого духа, чем сами артели, то, конечно, и организация коллективов не дала ровно никаких улучшений.

И в этой области советская политика обнаружила полный провал. Как мы видим, советское государство или так называемая рабоче-крестьянская власть оказалась неспособной не только уничтожить возникновение безработицы вообще, но даже принять какие-нибудь действительные меры для сокращения числа трудящихся, пораженных этим злейшим врагом рабочего класса.

Глава вторая.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Советский железный закон заработной платы.

Безработица является настолько грозным бичем, что занятые в промышленности рабочие могут считаться счастливцами, по сравнению со своими собратьями, наполняющими кадры резервной армии труда, бесцельно обивающими пороги Бирж Труда, по выражению рабочих, изнашивающими на эту «работу» башмаки на большую сумму, чем получаемое ими пособие.

Однако, и рабочие, имеющие работу, поставлены в советской России в невыносимо тяжелые условия. Они вынуждены жить на грошевой заработок, не хватающий для прокормления всей семьи, в отвратительных жилищных условиях, не будучи в сстоянии достаточно одеться и даже прокормиться.

Но и этот скудный заработок делеко не всегда получается рабочими в реальном виде, благодаря бессмысленно уродливой политике советской власти.

В течение двух последних лет идет упорная борьба за повышение заработка рабочих, хотя бы до довоенного уровня. Но после всякого повышения, которого удается достигнуть рабочему классу, ему приходится сейчас же итти на уступки, для получения которых «хозяйственниками» всякий раз немедленно выдвигается весь арсенал хорошо знакомых из капиталистической практики аргументов. В этом постоянном споре, в этой не всегда видимой на поверхности, но упорной и жестокой борьбе, победа достается сплотившимся в тесный союз «хозяйственникам» и советской власти.

После отмены «коммунизма», заработная плата испытала за последние годы довольно значительное повышение. Можно считать, что она увеличилась почти в два раза. Но ничего удивительного в этом нет. В годы проклятой памяти «коммунизма» заработная плата рабочего стояла на грани, за которой начинались самый настоящий голод и физическая смерть. Заведующий статистикой труда, Струмилин, установил, что в те годы рабочий мог существовать исключительно благодаря тому, что он добывал средства к существованию распродажей своего имущества, выпрашиванием милостыни на улицах, карманными кражами и. т. п. Очевидно, что дальше этой грани опускаться было некуда и для спасения рабочего класса от полного физического и морального вырождения, при восстановлении всякого рода предпринимательской деятельности, нужно было во что бы то ни стало дать возможность рабочему классу быстро и сильно повысить свой заработок. При сохранении прежней политики так называемого государственного снабжения и содержания рабочего класса на государственный счет, осуществление этого было невозможно. Во - первых, потому что именно эта политика и привела к тому состоянию, в котором рабочий класс находился к середине 1921 г. Во-вторых, потому, что и при желании советская власть не имела более никаких средств к продолжению прежней политики.

Рабочему классу нужно было развязать руки для того, чтобы он собственными усилиями мог более или менее улучшить свое положение.

Заработок до 1922 г. был настолько низок, что первым и необходимым условием какого - либо восстановления производства являлось значительное повышение заработной платы. Вместе с тем, по мере расширения сферы применения новой политики и политика заработной платы освобождалась все более от наследия коммунистического периода. Натуральная плата заменялась денеж-

ной. Обязательное и поголовное государственное снабжение было устранено. Были введены и были сделаны первые, правда, весьма мало удачные, попытки широкого применения коллективных договоров.

Наконец, советская власть сохраняла государственное регулирование заработной платы путем установления обязательного минимума. Деятели профессиональных союзов, еще не вполне расставшиеся с психологией коммунистического периода, мало заботились о соответствии между состоянием производства, наличностью капиталов в промышленности и требованиями заработной платы.

Все эти условия создавали сравнительно легкую возможность непрерывного и весьма решительного повышения заработка рабочих.

Хозяйственники еще не были достаточно окрепшими самостоятельно и не решались на открытую борьбу за понижение заработной платы. От времени до времени раздавались редкие голоса о высокой стоимости рабочей силы, но «хозяйственник» еще не был достаточно силен, с его голосом еще не считались.

Мы видим поэтому значительный скачек, представляющийся особенно резким после катастрофически низких заработков в предшествовавшие два года.

Так месячная заработная плата составляла[1]):

	В бюджетных рублях	Числа показатели
1913 г.	25	100
1920—21 г.	3	12
1921—22 г.	7,3	29,2
1922—23 г.	11,7	46,8

В течение 1921—22 г.г. заработная плата выросла почти в 2½ раза по сравнению с 1920—21 гг., в 1922—23 г. — еще на 60%.

[1]) Подтягин, указ. соч.

О колебаниях заработной платы в течение 1922—23 и 1923—24 г. г. можно судить по следующим данным[1]):

	В бюджетных рублях	В % к предшествующей четверти
1922—23 г.г.		
I четверть	13,56	100
II »	16,54	122
III »	16,46	99,5
IV »	16,95	103,0
1923—24 г.г.		
I четверть	19,33	114,0
II »	20,39	105,5
III »	20,42	100
IV »	22,36	109
1924—1925 г. г.		
I четверть	24,01	105

Со второй половины 1923 года в среде хозяйственников и администрации национализированной промышленности наступает более открытая реакция против непрекращающегося повышения заработной платы. И как видно из вышеприведенной таблицы, к середине 1923 г. средняя заработная плата понижается после того значительного скачка вверх, который она испытала в начале года на 22%. К концу хозяйственнго года повышение более значительное — на 14%, но в следующую вторую четверть повышение вновь замедляется. Оно достигает не более 5,5%, в средние года заработная плата сохраня-

[1]) См. А Рашин: Заработная плата в промышленности. «Труд в СССР», М. 1924 г., стр. 120 и 144, и «Статистика Труда» № 7—9, 1924 г.

Данные о заработной плате, публикуемые в различных изданиях, всегда резко отличаются друг от друга. Каждое ведомство, каждое статистическое учреждение, каждый автор производят вычисления по своему. Установление однородных данных за ряд лет не представляется поэтому возможным. Поэтому данные, приводимые в этой таблице, отличаются от тех, которые приведены выше на основании работы проф. Подтягина. В настоящей таблице речь идет о средней месячной заработной плате для промышленных рабочих по всем производствам.

ется на неизмененном уровне и в начале 1924/25 г.г. слегка повышается. Усилия хозяйственников, администрации предприятий, советского правительства и даже руководителей профессиональных союзов направлены с конца 1923 г. на то, чтобы не допускать дальнейшего общего повышения заработной платы. Правда, эта политика тщательно замаскировывается. Речь всегда идет о том, чтобы сохранить заработную плату на достигнутом уровне и не допустить ее понижения. Усилия направлены не на то, чтобы повышать уровень заработной платы, а на то, чтобы предохранять ее от понижения. Но практически это сводится именно к тому, чтобы приостановить дальнейший рост заработной платы.

С марта месяца 1924 г. положение рабочих и служащих с точки зрения их заработка ухудшается. Вынужденное, — как признался в свое время Каменев, — отказом крестьянства принимать в уплату за свои продукты старые советские денежные знаки (обесценившиеся за время существования «советского рая» в 50 миллиардов раз), заменить старые деньги новыми, советское правительство произвело так называемую денежную реформу. Проведение последней неизбежно требовало прежде всего прекращения или, во всяком случае, сильного сжатия выпусков бумажных денег. Между тем, без широкого пользования этим источником, советская национализированная промышленность лишилась широкой поддержки со стороны казенного кошелька.

При низкой производительности труда, при хронических кризисах сбыта, при весьма слабом накоплении капиталов, государственная промышленность оказывалась, благодаря затеянной правительством политике «экономии», без достаточных средств для уплаты рабочим постоянно растущего заработка.

Денежную реформу нужно было провести во что бы то ни стало, потому что без нее были уже невозможны ни получение налогов от крестьянства, ни обеспечение город-

ского населения и армии продовольствием. В то же время при существовании хронически дефицитной национализированной промышленности, не только повышение, но и сохранение значительно повысившихся за последние два года заработков рабочих, делало невозможным проведение реформы.

Так как соображения первого порядка затрагивали непосредственно самое существование советской власти, то они и сыграли решающую роль и денежную реформу было решено проводить за счет и на спине рабочего класса.

Заработная плата таким образом в течение 1924 года испытала несомненное понижение, с одной стороны, под влиянием сознательной политики власти и хозяйственников, направленной к этой цели, а с другой — и под влиянием общих условий, сохраняющихся и в некоторых случаях даже обострившихся после денежной реформы. К числу последних относится прежде всего продолжающееся повышение стоимости жизни.

Несмотря на многократные попытки к искусственному понижению товарных цен путем декретов, цены предметов первой необходимости стоят в настоящее время выше, чем до денежной реформы, между тем как заработная плата не повышается, ибо в интересах самосохранения советская власть употребляет все усилия к тому, чтобы не допускать этого повышения.

Бесспорно, по сравнению с тем голодным и нищенским существованием, которое рабочий влачил в период коммунизма, заработная плата, достигающая четырех пятых довоенной, составляет огромный шаг вперед. Но если вспомнить, что вся советская революция была произведена именем рабочего класса и якобы для защиты его интересов; что для этой мнимой цели было принесено столько жертв людьми и материальными благами; что во имя рабоче-крестьянской власти была разорена и опустошена вся страна; что капиталистический и буржуазный строй был предан проклятию и истреблению именно для улуч-

шения положения трудящихся — неспособность советской власти платить рабочим даже ту нищенскую плату, которую он получал при капиталистическом строе старой России служит наиболее ярким доказательством полного банкротства всей советской политики.

Это банкротство представляется еще нагляднее, если сравнить уровень заработной платы в советской России и в иностранных капиталистических государствах.

За последнее время стоимость жизни сильно возросла во всех странах. Тем не менее, рабочему классу на Западе, за исключением некоторых стран (главным образом, Германии и Австрии), удалось поднять заработную плату выше роста стоимости жизни. Например, в Англии увеличение стоимости жизни и увеличение заработной платы составляло по сравнению с 1914 г. [1]):

	Заработная плата	Стоимость жизни
Март 1923 г.	в 2,04 раза	в 1,74 раза
Июнь 1923 г.	» 1,95 »	» 1,69 »
Сентябрь 1923 г.	» 1,95 »	» 1,75 »
Октябрь 1923 г.	» 2,06 »	» 1,77 »
Март 1924 г.	» 2,01 »	» 1,73 »
Июнь 1924 г.	» 2,06 »	» 1,70 »

В Соед. Штатах Сев. Америки [2]):

Март 1923 г.	в 2,15 раза	в 1,69 раза
Июнь 1923 г.	» 2,22 »	» 1,70 »
Сентябрь 1923 г.	» 2,19 »	» 1,72 »
Декабрь 1923 г.	» 2,23 »	» 1,73 »
Март 1924 г.	» 2,25 »	» 1,70 »

Какова же реальная заработная плата в эти двух странах?

Средняя для некоторых отраслей заработная плата в Англии составляла в мае 40 шиллингов в неделю. Приводя ее к реальной ценности в соответствии с вздорожанием стоимости жизни, мы получим около 24 шиллингов

---

[1]) По данным «Revue Internationale du Travail», август, 1924 г.

[2]) По тем же данным.

или 11 р. 30 коп. в довоенных золотых рублях в неделю.

В Соединенных Штатах в марте денежная заработная плата в среднем составляла 28,16 долларов и 16,5 доллара или 32 довоенных золотых рубля реальной заработной платы в неделю.

Между тем, средняя заработная плата русского рабочего в реальных довоенных рублях в месяц составляет, как было указано, не более 22 рублей!

В Англии, во Франции, Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Швеции, Голландии и во многих странах, реальная заработная плата в 1925 г. стояла значительно выше, чем до войны. В первом полугодии 1925 г. заработная плата в Англии была на 5% выше чем в 1915 г., в Соед. Штатах — на 30%.

Как мы видим, в капиталистических странах рабочему живется несравненно лучше, чем в советской республике, где так называемая рабоче-крестьянская власть не только не в состоянии поднять заработка рабочего даже до довоенного уровня, но всей своей политикой делает наполовину призрачной для него и ту заработную плату, которую он получает.

Голые цифры о размерах заработков трудящихся сами по себе, однако, говорят еще очень мало.

Во-первых, потому что советская статистика, по признанию самих советских деятелей, не имеет никакой ценности. Она весьма не точна, не выражает действительного положения вещей и, как мы указали выше, заключает в себе самые противоречивые данные.

Во-вторых, потому что количество рублей, которое по данным советских изданий, должен получать трудящийся, в большинстве случаев в значительной своей части остается лишь на бумаге. Рабочий получает далеко не все, что ему следует.

В третьих, наконец, потому что материальное положение трудящихся характеризуется не одной только зара-

ботной платой, цифры которой очень гладко выводятся во всевозможных тарифах и коллективных договорах.

Для того, чтобы составить себе точное представление о материальном положении рабочего класса, необходимо установить, в каких условиях живут трудящиеся в советской России, из чего складывается весь бюджет рабочей семьи, на что рабочий имеет возможность употребить свой заработок, в каких жилищных условиях он живет.

Другими словами. Нужно прежде всего ответить на основной вопрос: оказалась ли советская власть в состоянии улучшить те условия, в которых рабочий класс жил до большевицкой революции, в старой России?

Доходы трудящихся.

До войны и революции весь доход рабочего составлялся почти исключительно из одной статьи — его заработной платы. Последняя в общем бюджете составляла 93, 95, 99, а иногда и все 100%.

Это значит, что рабочий получал заработную плату, достаточную для поддержания существования его и его семьи, и что свое существование он поддерживал своей профессиональной работой.

В период коммунизма роль заработной платы в бюджете рабочего свелась к минимуму. В некоторых случаях она доходила до 20%. Другими словами, рабочий почти не получал заработной платы. Его доход носил, как выражаются советские писатели, «собесовский» характер. Это значит, что рабочий получал от государства средства к жизни не за свою работу, которую он вообще выполнял в ничтожных размерах, а просто содержался на государственный счет.

Так как это «содержание» от государства было незначительно и в виду постоянного катастрофического обесценения рубля, повышения товарных цен, отсутствия предметов первой необходимости и т. п., совершенно не обеспечивало рабочей семье ее существование, то рабочему

приходилось добывать средства к жизни «спекулятивными доходами», как говорят те же советские писатели [1]). Рабочий занимался чем угодно для получения хотя бы какого-либо дохода. С отменой коммунизма и с улучшением экономических условий, в частности, с повышением реальной заработной платы, происшедшим после 1921 г., несомненно, значительно, улучшился и бюджет рабочего. Заработная плата в этом бюджете стала играть все большую роль. С 20%, как это было в 1920 г., она поднялась уже до 78% в 1923 г. Но она все еще оказывается недостаточной для того, чтобы прокормить рабочего и всю его семью, она все еще не обеспечивает ему существования и не дает возможности удовлетворять даже наиболее насущные его потребности.

Кроме заработной платы самого рабочего, как главы семьи, необходим еще заработок и других членов семьи. Советская власть говорит очень много красивых слов о защите детей и об охране женского труда. Но, не будучи в состоянии обеспечить рабочему заработка, достаточного для существования всей его семьи, она гонит на работу не только самого рабочего, но и всех трудоспособных членов его семьи.

Заработки и других членов семьи оказываются, однако, недостаточными. Рабочая семья вынуждена продавать вещи своего хозяйства. В столицах эта продажа составляет около 3%, в провинции свыше 3% всего дохода. Она вынуждена, кроме того, занимать деньги в долг, сдавать комнаты, получать пособия от общественных организаций. Но и при всех этих источниках побочного дохода, бюджет рабочей семьи имеет дефицит, который покрывается лишь, благодаря кредиту, оказываемому в кооперативной лавке. При чем, как мы увидим в дальнейшем, этот лавочный кредит и теперь, как и в «доброе старое»

---

1) См. Поляк: «Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 г.», М. 1923 г., стр. 14. — Его же статья в сборнике «Труд в СССР», М. 1924 г.

дореволюционное время, не только не улучшает, но ухудшает положение рабочего.

Надо, однако, сказать, что положение рабочего все же значительно лучше, чем условия интеллигентного труженника. Вот, например, бюджет одного «специалиста» [1]). За год с 1 мая 1923 г. по 1 мая 1924 г. доход всей семьи специалиста из 5 человек при одном только работнике — глава семьи — составил 1165 руб. 41 к., в том числе жалованье — 910 р. 04 к., побочный заработок в виде литературного гонорара — 176 р. 62 к. и прочие доходы — 78 р. 45 к. Расходы же достигали 1158 р. 74 к. Так как в числе «прочих доходов» имеется заем в 29 р. 04 к., не покрытый к концу года, то весь бюджет был сведен с дефицитом в 22 р. 67 к. Кроме того, в числе «прочих доходов» имеется продажа книг и пособия от родных.

Среди расходов плата за квартиру отнимает 18%, питание — 35,2%, платье и обувь — около 5%, топливо и освещение — 8% и культурные расходы — свыше 8%.

Вся семья истратила на одежду не более 57 руб. за год. Она не имела возможности купить ни сапог, ни нового платья. Некоторые члены семьи продолжают донашивать старую военную форму.

Вся жизнь представляет собой лишь упорную борьбу за сведение концов с концами в бюджете.

В марте 1924 г. ординарный профессор получал от 40 до 42 руб. в месяц; приват-доцент — 28—32 руб., ассистент 22,50 руб. Так обстоит дело в Петрограде.

В провинции преподавательский персонал влачит совсем жалкое существование. Там к тяжелому материальному положению присоединяются еще и невыносимые моральные условия жизни.

---

[1]) «Бюллетень ЦУС», 27 августа 1924 г.

Как интеллигенция в провинции... кутит.

В главе о безработице мы приводили жалобы некоторых советских ответственных деятелей на то, что представители интеллигентного труда не желают покидать крупные центры и брать места в провинции. Это не желание станет легко понятным, если принять во внимание, что ждет этих людей в этой советской провинции.

По требованию сибирского отдела народного образования, в Сибирь было отправлено из Москвы несколько работников просвещения.

«После трехмесячной волокиты и путешествий, эти работники очутились на месте. Разоренная изба — называемая школой. Учителя не получают жалованья по 3 месяца. Пособий нет. Учителя задают вопрос: за что их сослали?!! [1])

Учительница, посланная на работу по требованию Вятского Губернского Отдела Народного Образования пишет: «Согласно вашей просьбе, пишу из Малмыжска, Вятской губ. Вспоминаю, как я говорила, что еду на «ссылку». Эту ссылку я себе далеко не так ярко представляла тогда, как она на самом деле оказалась. Вот служу уже 4 месяца и жалованья еще ни разу целиком и своевременно не получала. В середине ноября дали незначительный аванс. После коллективной подписки учительства об однодневной забастовке, нам выплатили сентябрьское жалованье по ценности сентябрьского рубля — в ноябре. Местный союз, хотя и руководимый партработником, никогда не заступается за интересы членов и отказался обратиться в Центральный Комитет Союза для заключения договора. За октябрь мы ничего не получили. За декабрь получили 5 января 4 руб, вместо 12 руб. Ставки настолько мизерны, что на дрова, керосин, картошку (она дешевле хлеба) еле хватает... Работать приходится при кошмарных условиях... Непосиль-

---

[1]) «Вопросы Труда», № 7—8, 1924 г. стр. 22.

ная работа, вечные неприятности и самое скудное питание в 4-х месячный срок сделали свое, и ныне я принуждена брать медицинский отпуск, так как истощена до крайнего предела» [1]),

По данным, которые были сообщены на последнем всероссийском учительском с'езде в январе 1925 года, жалованье учителям составляло в конце 1924 года в среднем не более 25 черв. руб. или 13 реальных рублей, т. е. около 70% заработной платы рабочего в то время. Но и это скудное жалованье выплачивается, особенно в провинции, с запозданием в несколько недель и даже месяцев. Нередки случаи, когда местные власти, по собственной инициативе, урезывают и эти заработки учительского персонала. Учителя нанимаются лишь на зимний семестр, т. е. не более, чем на 7 месяцев, а в течение остального времени года, обречены на безработицу. Для сокращния расходов на одного учителя возлагаются обязанности, которые должны были бы нести двое или трое учителей. Число учеников в классе чрезмерно велико и число уроков в день на одного преподавателя достигает 6 и даже 7. Рабочий день редко менее 10 часов в сутки. Кроме его непосредственных обязанностей на преподавателя возлагается: руководство народными зрелищами, антирелигиозная пропаганда (от которой не избавлены даже верующие люди), лекции по коммунизму, заведывание книгами местного кооператива, роль суфлера на любительских спектаклях, роль дирижера на балах, пропаганда политическая, сельскохозяйственная, ведение налоговой статистики и т. п.

Когда преподаватель, переобремененный всеми этими общественными обязанностями высокой важности, поневоле начинает манкировать своими преподавательскими обязанностями, его рассчитывают без всякого сожаления. Рассчеты со службы и перемещения по произволу властей — главное зло, по свидетельству почти всех делега-

---

[1]) «Вопросы Труда», № 7—8, 1924 г., стр. 23.

тов с'езда. Так как школы находятся в разрушенном состоянии, учителя вынуждены ютиться где попало. Нередки случаи, когда учитель вынужден исполнять роль пастухов и искать крова по очереди каждую ночь в другой избе[1]).

Много ли советскому рабочему земли нужно?

Советские деятели, руководители профессиональных союзов, экономисты очень любят ссылаться на то, что незначительный уровень заработка в советской России компенсируетя для рабочих тем, что само государство доставляет рабочему или бесплатно, или за незначительную плату. Говорят, рабочий получает страховые пособия, «проз-одежду» от государства. Он раньше получал бесплатно и квартиру. Теперь, правда, за наем жилых помещений взимается плата, но так как эта плата незначительна и установлена пропорционально заработку, то она не является для рабочего таким тяжелым бременем в его бюджете, как раньше, и в этом отношении материальное положение рабочего класса в советской России улучшилось.

Возможно, что доля квартирной платы в рабочем бюджете в настоящее время меньше, чем до революции. Но это обстоятельство лишь подчеркивает нынешнее тяжелое материальное положение рабочего. Если бы при нынешнем ничтожном заработке, рабочий должен был бы уплачивать столько же за квартиру, сколько уплачивал до войны, то его бюджет был бы сведен с огромным дефицитом. Но гораздо большее значение для рабочего имеют не эти процентные доли, на которые так любят ссылаться статистики из ВЦСПС, а те жилищные условия, которые при всей этой якобы пролетарской и необычайно « революционной» жилищной политике советская власть создала для рабочего класса. И в этом отношении положение рабочих столь же ужасно, как и до рево-

[1]) «Труд», 13—20 января 1925 г.

люции. Никаких ни улучшений, ни изменений для массы рабочих в этой области не произошло.

По советскому жилищному законодательству легальная минимальная норма жилого помещения на 1 взрослого человека установлена в 16 кв. аршин. В действительности средняя площадь помещения на 1 душу в кв. аршинах составляет [1]).

Районы:	
Москва	8,7
Петроград	15,7
Архангельск	10,2
Тверь	7,8
Тула	7,3
Тульская губ.	9,5
Иваново - Вознесенск	9,5
Нижегородская губ.	10,4
Ярославль	8,4
Ульяновская губ.	8,9
Киевская губ.	13,5
Донбасс	9,1
Урал	9,9

По данным, сообщенным на последнем VI с'езде профессиональных союзов в ноябре 1924 г., текстильщики имеют в среднем жилой площади по 6 кв. арш. на душу, горняки Донбасса — по 7,5 кв. арш., металлисты — по 8,5 кв. арш. [2]).

Но эти цифры количества квадратных аршин не выражают еще всего того ужаса, который представляют собой конкретные жилищные условия рабочих.

Например, в Донецком бассейне жилищные условия, как и до революции, характеризуются следующим описанием. «Теснота в связи со скученностью и грязь неимоверная. Установленные нормы в 1,5 куб. саж. воздуха на жильца при казарменном типе жилища и 2,5 куб. саж. на человека для семейных квартир редко можно встретить». «Жилищные условия приезжающих рабочих во-

[1]) «Труд в СССР», стр. 192.
[2]) «Труд», 14 ноября 1924 г.

пиющие». «Крыши текут, стены, потолки, двери и окна ветхи так, что ежели в жилищах рабочих нет правильно устроенной вентиляции, зато в этих казармах и бараках вентиляция более, чем достаточная, ибо обмен воздуха происходит без конца через щели и другие дефекты потолка, стен, дверей и окон».

На 1 человека приходится 1 куб. саж. воздуха и даже временно доходило до 0,5 куб. саж.

Еще хуже обстоит дело с дневным солнечным светом. На одном руднике отношение световой площади окон к площади пола сокращено было в 5, 10, 15 раз против нормы, ибо окна и рамы забиты досками, тряпьем и проч.

Нет нигде столовых, где мог бы одинокий или холостой рабочий, придя после работы, пообедать; самому приходится стряпать для себя там же, где и спишь, где и отдыхаешь после работы, усталый и разбитый; здесь же идут стирка и сушка белья и все хозяйственные домашние приготовления. Местами даже топливо хранят в жилище из-за отсутствия сараев или хищений в них.

Отсутствуют умывальники, вместо них корыта и ведра с кружкой или без нее. В казарме грязь и сырость.

Такова картина быта горняка [1]).

На каменноугольных копях на Урале жилищные условия не лучше. Вот как описываются эти условия на копях «имени Ленина и Троцкого».

«Здесь созданы — говорит автор описания — все условия для развития и распространения заразных болезней. Здесь нет и признаков того уюта и удобства, которые так необходимы для нравственного и физического отдыха переутомленного трудом человека. Жилые помещения местами переполнены жильцами, даже сушилки превращены в жилые помещения, в общих казармах грязно, беспорядочно. Особенно обращают на себя внимание две казармы, совершенно непригодные для жилья. Одна из них помещается в бывшей конюшне; обе казармы ветхие,

[1]) «Гигиена Труда», № 3—4, 1923 г., стр. 74.

темные, грязные, с общими нарами; зимой они холодны. Уборные и площади вокруг помещений загрязнены навозом и сором. Стены некоторых домов со щелями покосились и поддерживаются наружными подпорками; деревянные полы избиты, в двух казармах полы цементные и не покрыты досками; во многих домах нет зимних рам, стекла в окнах выбиты; кухни заняты под жилые помещения». «Казарма № 3 разбита на отдельные каморки тонкими переборками с площадью пола не более 4 кв. саж., в них живет иногда до 5—6 человек, в некоторых помещается по 2 семьи; помещения эти недостаточно освещены, содержатся грязно. При некоторых домах нет уборных даже летнего типа [1]). Столь же неблагоприятны жилищные условия и торфяных рабочих [2]).

О жилищных условиях все материалы, получаемые от инспекции, рисуют в Донбасе чрезвычайно тяжелую картину. Жилищная нужда остра у всех категорий рабочих. В рабочих казармах сахаротреста двойные нары, сараи, совершенно неприспособленные для жилья, даже не разделенные на мужские и женские спальни. Оборудование койками, тюфяками отсутствует, иногда нет даже лампочек.

«У хозяйственных органов нет реальных данных о размерах жилищной нужды. Представляемые заводоуправлениями с мест сметы на жилищное строительство урезываются, как самими трестами, так и выше стоящими инстанциями», как утверждает журнал «Гигиена Труда» [3]).

Не нужно думать, однако, что эти тяжелые жилищные условия существуют лишь на окраинах, вне городов и рабочих поселений. В крупных городах часть, притом незначительная, действительно получила более или менее

---

[1]) «Гигиена Труда» № 10—11, 1923 г.

[2]) Е. Виленец - Горовиц: Жилища для торфяных рабочих. Там же № 1, 1924 г.

[3]) № 6, 1924 г.

сносные квартиры. Но за исключением этих немногих избранников новой рабочей аристократии и бюрократии, масса продолжает жить все в тех же подвалах, чердачных помещениях в «каменных мешках», как и до революции.

На основании анкеты, предпринятой в Москве в начале 1924 года было обнаружено, что из 80 рабочих семейств имеют собственные квартиры лишь 12 семейств, 64 семьи живут в одной или двух комнатах, в квартирах, занимаемых совместно несколькими семьями. 4 семьи живут по 2 вместе в одной комнате. Таким образом, в среднем, на 1 комнату приходится свыше 3-х жильцов. В общем 80 семей занимают 117 комнат, жилая площадь на душу не превышает 8,2 кв. арш. На одну постель приходится в среднем по 3 человека. Иногда одной постелью пользуются одновременно 2 и 3 человека; многие спят на полу — среди взрослых 17%, среди детей (до 15 лет) — 38%; из 170 детей лишь 34 имели каждый ребенок свою кровать. Как и в фабричных казармах, о которых речь шла выше, во многих случаях целые семьи, кроме комнаты, в которой они живут, не имеют более никакого помещения, ни для хранения пищи, ни для приготовления еды, ни для других хозяйственных надобностей [1]).

Положение в 1925 году осталось тем же, каким оно было и в 1924.

На национализированных ж. д. государство оказалось в состоянии предоставить жилища лишь 27% всего числа железнодорожников. 8.000 семей вынуждены пользоваться для жилья вагонами. Среди водных рабочих около 80% совсем не имеют постоянного крова.

«Труд» от 31 января и 6 февраля 1925 года рисует убийственную картину жилищных условий на прядильной фабрике под Москвой: «Каморки, почти все серые, содержат до 9—10 человек в каждой. . . Атмосфера удушливая, скученность невероятная. . . Старухи, молодые

[1]) «Труд», 9 мая и 11 июня 1924 г.

люди, дети, старики, молодые девушки, живут все вместе в такой трущобе... Около 50% рабочих больны туберкулезом... Администрация фабрики за то живет прекрасно. Она занимает огромные, просторные, сухие, топленые помещения. Каждый член администрация имеет до 40 кв. аршин жилой площади.

И т. д., и т. д., и т. д.

«Жилищный вопрос, говорит справедливо «Гигиена Труда», как был, так и сейчас остался чрезвычайно больным»[1]). Это не может далее так продолжаться, твердит вся профессиональная печать. Комиссариат Труда ассигновал 39 милл. зол. руб. на улучшение жилищных условий, на эту сумму может быть выстроено в 1925 г. 16 500 жилых помещений для 95 000 рабочих. Но по общему мнению, эта помощь государства совершенно не достаточна, и никто не предполагает, что с такими ничтожными средствами свирепствующая среди рабочих жилищная нужда может быть устранена.

Как мы видим, и в жилищном вопросе советская власть не сумела улучшить положения рабочего класса. При низкой заработной плате рабочий вынужден не только жить на ничтожный заработок, но и ютиться по прежнему в каморках, подвалах, жить в тех же жилищных условиях, в каких он жил и до советской революции.

Советское право рабочего на полный продукт труда.

Как мы видели только что, условия жизни рабочего класса отнюдь не компенсируют для рабочих низкой заработной платы. Если расходы на помещение отягощают в настоящее время рабочий бюджет в меньшей степени, чем раньше, то положительное значение этого факта имеет весьма относительный и ограниченный характер. Жилищная политика советской власти во время коммунизма, по признанию самой советской печати, привела к разрушению домов и сокращению пригодных для жилья

[1]) «Гигиена Труда», № 8, 1924 г.

помещений и задержала обычное домостроительство. После введения новой политики все усилия советской власти вызвать развитие городского домостроительства и улучшить жилищные условия остались до сих пор безуспешными.

Экономическая политика советской власти является важнейшим препятствием к улучшению этих условий. Эта же политика препятствует до сих пор сколько-нибудь сносному улучшению вопроса о заработной плате вообще.

Приведенные выше данные о движении заработной платы за последние годы сами по себе ничего не говорят о том, насколько рабочий обеспечен получением и того низкого заработка, который ему причитается на бумаге. Характерным явлением во всей политике заработной платы советской власти является то, что на языке советской печати называется «задолженностью» хозорганов по заработной плате. Эта задолженность имеет хронический характер. Она длится непрерывно со времени введения новой политики. Не проходит месяца, в который заработная плата была бы уплачена рабочим полностью и во время.

Еще в начале 1922 г. промышленность была должна рабочим в счет заработной платы свыше 80 триллионов рублей советских бумажных знаков. Весь 1922 и весь 1923 г.г. прошли в борьбе с этой задолженностью. Но едва высшие государственные учреждения спешили на помощь рабочему классу и государственной промышленности и прибегали или к субсидиям предприятиям или к так наз. аннулированию задолженности, последняя вновь наростала и при том еще в больших размерах. До денежной реформы это чрезмерно долгое запаздывание с уплатой заработной платы означало для рабочего настоящую катастрофу, ибо со дня, в который должна была быть получка, до момента ее выплаты, советский рубль успевал обесцениваться во много раз.

Денежная реформа должна была бы, казалось, изменить это положение. Но в действительности этого не произошло. Задолженность по заработной плате осталась и продолжает составлять то же хроническое явление, как и до реформы.

В первые недели и месяцы реформы эта задолженность снова достигла внушительных цифр. В апреле 1924 г. из 60 госуд. трестов лишь 46 трестов уплатили на 22 апреля заработную плату за вторую половину марта, 7 трестов имели задолженность за 2 недели, 2 треста уплатили частично и 12 совсем ничего не уплатили. На 13 июня 1924 г. задолженность по заработной плате достигла свыше 12 м. р.[1]).

В то время эта задолженность об'яснялась тем, что денежная реформа на первых порах должна была вызвать разменный и денежный голод, который, в свою очередь, мог вызвать заминки в деле уплаты заработной платы. Но, говорили тогда советские деятели и руководители профессиональных союзов, первые затруднения, связанные с такой грандиозной реформой, пройдут, денежный оборот будет насыщен денежными знаками в достаточной мере, и государственная промышленность будет освобождена от этой тяжелой необходимости задерживать выплату заработной платы.

Но и через год, со времени введения денежной реформы задолженность не только не изчезла, но растет с каждым месяцем и по-прежнему составляет главное зло для рабочего класса.

От 1 октября 1923 г. до ноября 1924 г. в металлургической промышленности не было ни одного месяца, в течение которого не было бы задолженности по заработной плате: 1,4 м. р., 1,9 м. р., 1,4 м. р., 3,9 м. р., 2,9 м. р. и т. д. и наконец, на 17 ноября задолженность по зара-

---

[1]) «Труд», 3 июля 1924 г.

ботной плате составляла 5,7 м. р., а по социальному обеспечению — 2,2 м. р., всего 8 м. р. [1]).

В каменноугольной промышленности в Донугле на 22 ноября 1924 г. числилось задолженности за октябрь почти в 1 м. р., за ноябрь — 1 083 000 руб.; в Москвоугле — к декабрю осталась задолженность за прежнее время в размере 127 850 руб. и за вторую половину ноября — 47 т. р.

Черембатрест на 25 ноября не выплатил заработную плату за октябрь в размере 36 т. р. Кизелкопи на 15 декабря выплатили за ноябрь только 1/3 основного фонда зарплаты. Общая задолженность определяется здесь в 150 т. руб.

У южно-рудного треста на 20 ноября еще числилась задолженность за октябрь на сумму в 170 т. р. и за ноябрь — 280 т. руб. [2]).

В уральскй металлической промышленности задолженность составляла [3]):

В октябре 1923 г.	80%	следуемой	заработной	платы
» ноябре 1923 г.	78%	»	»	»
» декабре 1923 г.	46%	»	»	»
» январе 1924 г.	59%	»	»	»
» феврале 1924 г.	83%	»	»	»
» марте 1924 г.	99%	»	»	»
» апреле 1924 г.	60%	»	»	»
» мае 1924 г.	89%	»	»	»
» июне 1924 г.	48%	»	»	»
» июле 1924 г.	63%	»	»	»
» августе 1924 г.	70%	»	»	»
» октябре 1924 г.	75%	»	»	»

В каменноугольной промышленности Урала эта задолженность составляла на 1 мая 1924 г. 31%, на 1 июня — 57%, на 1 июля — 59%, на 1 августа — 76%, на 1 сентября — 70%, 1 октября — 72%.

[1]) Доклад Дзержинского на совещании органов ВСНХ. «Экономическая Жизнь», 4 декабря 1924 г.

[2]) «Экономическая Жизнь», 20 декабря 1924 г.

[3]) Там же, 21 декабря 1924 г.

„Таким образом — говорит корреспондент «Экон. Жизни» — задолженность в Уральской промышленности превратилась в хроническое явление».

Эти примеры задолженности по заработной плате свидетельствуют с достаточной очевидностью, что у государственной промышленности отсутствуют средства для уплаты занятым в ней рабочим за их труд.

Другими словами, рабочие, занятые в государственной промышленности, оказывают последней кредит. Не государственная промышленность в Советской России поддерживает рабочих, а последние, отдавая ей в кредит свой труд, своей нищетой, своим вынужденным отказом от получки во время жалкой заработной платы, поддерживают национализированную промышленность.

Когда какой-либо банк предоставляет тресту кредит, он требует за это известное вознаграждение. Отданный банком взаймы капитал возвращается ему с процентами. Пусть попробует предприятие не уплатить в положеный срок по векселю! Вексель немедленно будет опротестован, предприятие подвергнется со стороны банка различным репрессиям. Да предприятие и не допустит своего векселя до протеста. В Советской Республике, как и во всяком приличном капиталистическом государстве, вексель — святая вещь. Эту истину уже достаточно усвоили и все хозяйственники.

Отношение к кредиту, оказываемому ценой недоедания рабочими государственным предприятиям совершенно иное. Администрация предприятия знает, что, не получив кредита от банка, не имея вследствие этого топлива и материалов, она не сможет пустить предприятие. Но она знает также, что как бы она ни обращалась с рабочими, как долго она ни задерживала бы заработную плату, рабочие все равно вынуждены продавать свой труд, они вынуждены ждать получки не одну неделю, и потому недостатка в рабочих руках никогда не будет.

Во всяком капиталистическом хозяйстве рабочий получает заработную плату в конце недели из того продукта, который сам произвел. Ни в каком «приличном», не находящемся в состоянии банкротства капиталистическом предприятии невозможна уплата заработной платы позже срока, установленного для получки, т. е. традиционной субботы.

Советская власть сумела и в этом отношении на много перещеголять любое капиталистическое государство. Национализированная, т. е. управляемая советским государством промышленность пользуется кредитом со стороны рабочих в течение не одной, а многих недель и даже месяцев. Каким образом могут, однако, рабочие существовать при таких условиях, получая лишь незначительную часть, часто не более половины причитающейся им заработной платы деньгами?

Для разрешения этого вопроса советская власть усовершенствовала тот способ эксплоатации рабочего, который менее удачно для себя применяли наши фабриканты до революции — фабрично-заводские лавки, которые переименованы в советской республике в «рабкоопы», т. е. в рабочие кооперативы. В качестве недостающей части заработной платы рабочий или получает боны, дающие ему право забирать нужные ему товары в кооперативной лавке или кредит в этой же лавке.

Эта система, однако, тоже не улучшает положения рабочих. Кооперативная лавка или не имеет товаров нужных рабочим или, открывая последним кредит, закабаляет их и этим сокращает еще более денежные рессурсы рабочего. Рабочая кооперация не в состоянии в советских условиях помочь рабочему. «Наша кооперация — писал в начале 1925 г. «Труд» — пока что, за небольшими исключениями, реализует не более 10—15% заработной платы рабочего, 85—90% рабочий еще несет частному торговцу. Зачастую продукты и товары в кооперативе до-

роже, чем на частном рынке. Частный лавочник ловит к себе рабочего еще и тем, что дает кредит под очередную получку, тогда как кооперация этого не делает. Очень часто кооперативы забиты никому ненужными товарами, а предметы массового потребления рабочий вынужден покупать у частного торговца [1]).

Так наз. индивидуальный кредит, который кооперация стала оказывать рабочим в 1924 г., тоже ни к чему не привел. Покупки на значительные суммы невозможны из-за значительной дороговизны продуктов, необходимость же для рабочего плучать за свой труд, вместо денег, боны и чеки на кооператив, при неимении в кооперативе нужных товаров, является лишь злом в жизни рабочего. Рабочие вынуждены в кооперативах забирать то, что им не нужно. — «Хоть и ненужное взять, — лишь бы талон в кармане не лежал», — говорят рабочие.

Во многих местах государственные предприятия и не допускают лучшей постановки дела в рабочих кооперативах. Подобно старым предпринимателям, они предпочитают сохранять сбережения рабочих в своих руках. Нередко само предприятие, параллельно с рабочей кооперацией, снабжает рабочих товарами в счет заработной платы. Фактически вводится снова натурализация заработной платы в ее еще более худшей форме (уплата товарами).

Рабочие в текстильных предприятиях нередко вынуждены по выдаваемым ордерам забирать товары в гораздо большем количестве, чем это им нужно и затем продавать на сторону.

В других случаях уплата удерживается в счет кредита, насильственно навязанного рабочему в кооперативе в тот момент, когда, за отсутствием получки, рабочий должен был этот кредит принимать.

---

[1]) «Труд», 17 февраля 1925 г.

Все это воскрешает хорошо знакомые условия «старого доброго времени», от которых рабочая жизнь уже начинала отходить после 1905 г. Как мы видим, советская национализированная промышленность не имеет средств не только для сколько-нибудь существенного улучшения положения рабочего класса, но и для того, чтобы во время и полностью выплачивать причитающуюся рабочему заработную плату.

Откуда эта промышленность может получить нужные ей капиталы в достаточном количестве?

Единственным источником этого может быть значительное расширение производства. Но для этого нужно, чтобы промышленные изделия имели широкий сбыт, т. е. чтобы население и, в частности, крестьянтво могло эти изделия покупать.

Но покупательная способность населения стоит в настоящее время во много раз ниже, чем до войны, как это видно из следующих данных, приведенных в докладе Дзержинского на совещании органов ВСНХ в декабре 1924 г. Потребление некоторых важнейших продуктов сотавляло на 1 душу населения [1]):

Продукты	До войны	1823-24г.	В % к 1913г.
Сахар (фунт)	20	7,4	35
Соль »	33	21	64
Чугун »	72	14	18,8
Хлопчато-бумажн. ткани (арш.)	25	9,5	40
Спички (короб.)	25	14	65

Столь низкий сбыт промышленных изделий об'ясняется не только низкой покупательной способностью населения, но и чрезмерной дороговизной, делающих их недоступными широким массам и об'ясняемой высокой себестоимостью.

[1]) «Эконом.. Жизнь», 4 декабря 1924 г.

Последняя вызывается, во-первых, высокими накладными расходами, которых требует плохо организованный торговый аппарат государственной и кооперативной торговли с его бесконечным числом посредников, разбухшими аппаратами, бюрократическим, неумелым ведением хозяйства. Во - вторых, издержки производства в государственной промышленности чрезвычайно высоки. Они вызываются низкой производительностью труда, которая делает труд чрезмерно дорогим.

Производительность труда в 1924 г. стояла значительно ниже, чем в 1913 году. Приводимые советскими изданиями данные о производительности труда не имеют никакой ценности. Мы упоминаем о них здесь лишь для иллюстрации положения [1]).

Годы	месячная выработка I рабочего по довоенным ценам	в % к 1913г.
1913	145	100
1922—23	91,1	62,7
1923—24	102,9	70,0

В общем и целом до средины 1924 г. производительность труда, взятая за более значительный период, соответствует уровню заработной платы. Рабочий давал столько своего труда, сколько он был в состоянии давать при том заработке, который он имел и при тех условиях, в которых ему приходится теперь работать и жить. Но несомненно, что рост заработной платы значительно обгонял рост производителньости труда. Как видно из следующих данных, движение заработной платы и выработки на 1 рабочего за 1923—24 г. представлялись в таком виде в % к средним за январь — март 1923 г. [2]):

[1]) Для 1913 и 1922—23 г.г. см. проф. Подтягин, указ. соч., для 1923—24 г. «Эконом. Бюлл.» Кон'юнкт. Инст. №№ 9—10, 1924 г., стр. 44.

[2]) Экон. Бюлл. Кон. Инст. № 9—10, 1924 г., стр. 45.

1923-24г.	Заработная плата	Выработка	Выработка на I выплаченн. рубль заработной платы
Октябрь	142	194	10,5
Ноябрь	155	165	8,2
Декабрь	148	159	8,2
Январь	183	163	6,9
Февраль	215	186	6,7
Март	219	160	5,7
Апрель	206	155	5,8
Май	212	157	5,7
Июнь	212	148	5,4
Июль	213	147	4,98
Август	219	145	4,97

Во избежание недоразумений надо добавить, что увеличение заработной платы более, чем в два раза к концу 1923—24 хоз. года, показаное в этой таблице, относится к заработной плате, выраженной в червонных рублях. При расчете в реальных бюджетных рублях, т. е. реальная заработная плата увеличилась лишь на 37%. Но и в этом случае (при исчислении продукции 1 рабочего по довоенным ценам) увеличение производительности труда значительно меньше, оно составляет всего лишь 17%.

При такой низкой производительности труда, при слабом ее росте, при чрезвычайной дороговизне рабочей силы и при необходимости в то же время понижать цены на промышленные изделия для того, чтобы сделать их более доступными, положение промышленности не может не быть чрезвычайно тяжелым.

Эта низкая производительность труда об'ясняется различными причинами. Прежде всего тем, что рабочий получает еще не более ¾ довоенной заработной платы, а в металлургической и горной промышленности, где производительность труда особенно низка, и того меньше. Между тем за годы коммунизма рабочий класс был физически истощен и измучен. Физиологически он не в со-

стоянии в настоящее время давать больше при той низкой заработной плате, которую он фактически получает.

Затем машины и орудия на фабриках пришли в ветхость. Обновить их нет возможности — нет капиталов.

Получается заколдованный круг: оборудование предприятия может быть улучшено и производительность труда может быть повышена лишь при условии увеличения капиталов в государственной промышленности. Но эти капиталы могут быть увеличены лишь благодаря расширению производства. Производство может быть расширено лишь при условии расширения сбыта, который, в свою очередь, может быть увеличен, если цены на промышленные изделия будут понижены. Но это последнее может быть осуществлено лишь тогда, когда издержки будут уменьшены. Для того, чтобы уменьшить издержки производства, надо улучшить оборудование предприятий и повысить производителньость труда. Это, в свою очередь, зависит от притока капиталов, который зависит от разрешения только что указанных выше условий.

Советское правительство не может осуществить этих условий. Оно не может улучшить оборудование предприятий и не может достать новые капиталы. В то же время оно не может оставаться и при тех высоких издержках производства, которые существуют сейчас и создают высокие цены и слабый сбыт промышленных изделий. Поэтому оно обратилось к иному способу—сокращению издержек производства путем большей эксплоатации труда. Для проведения этого в скрытой форме нашлись старые испытанные средства капиталистического хозяйства — сдельщина и более широкое применение женского и детского труда.

«Сдельщина» сразу достигла двух целей: она повысила интенсивность труда и в то же время понизила реальную заработную плату рабочих. Так, с октября 1924 г. по фе-

враль 1925 г. движение производительности 1 рабочего и заработной платы представлялось в следующем виде [1]):

Месяцы	Валовая выработка на 1 рабочего в довоенн. руб.	Заработная плата в довоенн. руб.	
		Месячная	Дневная
Октябрь 1924	4,71	25,58	1,02
Ноябрь 1924	5,06	22,92	1,04
Декабрь 1924	5,32	23,54	1,01
Январь 1925	5,63	23,67	1,03
Февраль 1925	5,93	22,67	1,03

В то время как выработка на 1 рабочего увеличилась за 5 месяцев на 26%, дневная заработная плата осталась без изменений, а месячная уменьшилась на 12%.

В угольной промышленности Донбасса выработка забойщика поднялась с 3.254 пуд. в июле 1924 г. до 3.590 пуд. в декабре 1924 г., а заработная плата за это же время упала с 48,3 черв. р. до 41,5 черв. руб.

Выработка простого рабочего поднялась с 443 до 549 п., а заработная плата упала с 34,4 до 29,5 черв. руб. Понизились также и ставки для сверхурочных работ — с 40,8% в отношении к основным ставкам до 28% [2]). Пользуясь введением сдельщины, администрация понизила основные ставки и таким образом заставила рабочих работать интенсивнее для того, чтобы получить хотя бы и тот заработок, который ему удается теперь урвать.

«Неограниченная сдельщина» — вот новое последнее слово советской премудрости, последний якорь спасения национализированной промышленности. Это — единственное, что советская власть могла предложить для улучшения положения рабочего класса.

И не придумали ничего иного, как новую растрату рабочей силы и большую эксплуатацию рабочего труда.

---

[1]) С. Робинсон. — Рост производительности труда и политика заработной платы. «Вестн. Труда», № 6, 1925 г.

[2]) «Труд», 31 марта и 7 апреля 1925 г.

Глава третья.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ.

Обещания и действительность.

Социальное страхование было возвещено большевиками в начале их господства в необычайно широких размерах.

Все население предполагалось содержать на средства советского государства и во всех случаях жизни каждаго гражданина.

Социальное страхование должно было применяться не только ко всем рабочим и трудящейся интеллигенции, но ко всему крестьянству, к ремесленникам и даже просто ко всем «нуждающимся гражданам», как гласило первое заявление советского правительства через 5 дней после захвата власти.

Но это обещание сохранялось недолго. Жизнь быстро обнаружила его неосуществимость и показала, что за ним не скрывалось ничего, кроме простой и пустой демагогии. С тех пор развитие социального страхования в советской России представляет собой историю постоянного отступления советской власти от обещаний, провозглашенных в момент первого упоения доставшейся победой.

Социальное страхование крестьянства и мелких ремесленников вообще оказалось невозможным практически и никогда не было проведено в жизнь.

Политика «интегрального коммунизма», на первый взгляд, по внешности, как-будто означала осуществление полностью всей идеальной программы коммунистической партии, по крайней мере, в отношении всех трудящихся, которыми, правда, в то время считалось все население. В действительности это было далеко не так.

Социального страхования в подлинном смысле не существовало. Была лишь система государственного снабжения всех и всего всем, получившая классическое название «собесовской». Этому названию был придан тот смысл, что обо всех и обо всем заботилось государство. Трудно было придумать большую иронию над действительным положением вещей. Рабочий в лучшем случае должен был получать страховое пособие в размере высшей ставки заработной платы. Но мы видели в предыдущей главе, на каком ничтожном уровне стояли даже наиболее высокие ставки в ту эпоху. Не только рабочие, но и все население голодало и холодало. Советское государство не было в состоянии «обеспечивать». Чем больше оно старалось осуществить эту «собесовскую» систему, тем менее оно могло это сделать. Ибо именно «собесовский принцип» уничтожал всякое производство и отнимал всякую возможность для обеспечения всего населения в разоренной и опустошенной коммунизмом стране. По свидетельству тогдашнего комиссара социального обеспечения, методы социального страхования того периода оказались никуда негодными, потому что власть старалась строить социальное страхование на коммунистических началах и задачах эта оказывалась безнадежной.

«Новая политика» и в этой области явилась единственным спасением для рабочего класса и единственным выходом для советской власти.

При новой политике пришлось сделать ряд еще более значительных отступлений от прежде провозглашенных принципов.

«Социальное обеспечение» уже вполне откровенно было превращено в «социальное страхование». По существу от этой перемены не могло произойти ухудшения. Наоборот, ограничения в применении «собесовского» принципа означали сосредоточение социальной политики в этой области на тех возможностях, которые обусловливались реальными финансовыми и экономическими усло-

виями. Это отступление являлось возвращением с недостижимых небес на землю.

В обстановке НЭП'а можно было предпринимать лишь исполнимые мероприятия.

Действительная жизнь очень быстро обнаружила, однако, что пределы этих реализуемых мероприятий также весьма ограничены, еще более, чем это представлялось первоначально по декрету 15 ноября 1921 г. уже после введения новой политики[1]).

Осуществление полностью даже нэповской программы очень скоро было признано невозможным. Тот же комиссар социального страхования, Милютин, в сентябре 1922 г. должен был откровенно заявить, на первой конференции по социальному страхованию, что совершенно невозможно даже обеспечить инвалидам труда и безработным их прежний заработок полностью [2]).

Кодекс законов о труде 1922 г. очень гордо провозгласил, что социальное страхование распространяется на всех лиц наемного труда, занятых, как в государственных предприятиях, так и в предприятиях общественных, кооперативных, концессионных, арендованных, смешанных обществ и частных лиц, независимо от характера и продолжительности работы и форм оплаты труда.

Это положение устанавливало обязательное социальное страхование государством всех трудящихся.

В течение первого года действия нового закона можно было встретить в советской печати весьма часто сообщения о том, что дела социального страхования идут блестяще. За этим внешним благополучием скрывалась, однако, весьма неприглядная действительность. Социальное страхование фактически почти не функционировало. Взносы от некоторых государственных предприятий и

---

[1]) См. Милютин: «Организация социальной взаимопомощи». Москва, 1921 г.

[2]) Милютин: «Итоги и перспективы социального страхования». Москва, 1922 г.

учреждений поступали, но поступавшие суммы еще некому было выдавать и некому даже было распределять. Во-первых, почти не было страховых касс и страховых органов, вообще. Во-вторых, и это наиболее существенно, рабочие почти не обращались в страховые органы за пособиями. За годы «военного коммунизма» рабочие отвыкли от того, что существует не только какое-то право, но и возможность получить какое-либо реальное пособие от государства. В страховых органах поэтому расходы были гораздо меньше доходов и накоплялись известные суммы, лежавшие почти без употребления [1]). Но с другой стороны, взносы на страхование поступали весьма слабо—не более $^1/_3$ следуемых сумм. Задолженность предприятий и учреждений была хронической. Хозяйственники систематически требовали понижения страховых взносов и в пользу этого требования указывали на то, что в страховых фондах накопляются значительные свободные резервы. На 1-е марта 1923 г. задолженность по социальному страхованию достигла 330 000 000 советских рублей [2]). И действительно в Петрограде, напр., выдачи составляли в январе 1923 г. — лишь 26%, в Москве — лишь 35% поступлений.

В течении всего 1922 и в начале 1923 г. положение страховых органов все - таки было чрезвычайно тяжелым. По мере восстановления капиталистических отношений, число лиц, нуждавшихся в пособиях в различных случаях, увеличивалось. «Государственное снабжение» исчезало все более и более и единственной поддержкой при скудном заработке считались пособия по социальному страхованию. Но рост количества лиц, пред'являвших требования на пособия, делал невозможным для страховых

---

[1]) Милютин: Указ. соч.

[2]) Рабинович, А.: «Начисления на заработную плату» в сборнике: «Вопросы заработной платы». В. 1-й, Москва, 1923 г., стр. 153.

органов выдачу тех пособий, которые предписывались законом.

В течении 1922 г. был принят поэтому целый ряд мер для того, чтобы ограничить число безработных, имевших раньше право на пособие. Были установлены требования 3-х летнего стажа работы, регистрации на Бирже Труда не позже 7 дней со дня прекращения работы и т. п. Эти меры привели к тому, что в течении 1922 г. из всего числа безработных, зарегистрированных Биржами Труда, получили пособие в Москве — 18,3%, в Петрограде — 7,7%, в Харькове — 4%, в Иваново-Вознесенске — 2,6% и т. д. Несмотря на эти меры, страховые кассы оказались не в состоянии выплачивать пособие, равное среднему заработку, как это требовалось законом. Фактически выплачиваемые пособия составляли в % к средней заработной плате данной местности в течении всего 1922 г. [1])

в Москве	от	2,49	до	9,31%
» Петрограде	»	14,20	»	27,37%
» Иваново - Вознесенске	»	6,53	»	26,28%
» Донбассе	»	8,00	»	22,00%

В среднем размер пособия не превышал 15% среднего заработка.

Такое же положение было и в области обеспечения инвалидов. Пенсии полным инвалидам должны были исчисляться в размере среднего заработка полностью. В действительности они составляли за время с августа 1922 г. по январь 1923 г.

Петроград	18,0—28,5%
Москва	14,1—23,2%
Иваново - Вознесенск	9,7—28,0%
Донбасс	25,0—54,0%

Это грубое несоответствие между требованиями закона и его выполнением, об'яснялось, по мнению хозяйственников, тем, что промышленность не была в состоянии нести то тяжелое бремя по социальному страхованию, кото-

[1]) А. Рабинович: указан. соч.

рое было на нее возложено. Хозяйственники стали добиваться и добились понижения страховых взносов.

Раньше эти взносы составляли, в зависимости от категории опасности и вредности работы: при временной утрате трудоспособности и при дополнительных пособиях — от 6 до 9% заработной платы, по декрету 23 апреля 1923 г. они были понижены до 6—8%. При постоянной инвалидности взносы составляли от 7 до 10% и были понижены до 3,5 и 5%. При безработице взносы составляли 2,5% и были понижены до 2%, а взносы на медицинскую помощь составляли от 5,5 до 7% и были понижены до 4,5—6,5%. В общей сложности взносы были понижены с 21—28,5% до 16—22%, в среднем с 23,5% до 15,5%. Для государственных предприятий и учреждений, продолжающих оставаться на государственном бюджете, взносы были понижены в среднем с 14—21% до 12—16% [1]).

Медовый месяц беспечного существования социального страхования прошел таким образом очень быстро. С начала 1923 г. социальное страхование вступило в полосу хронического кризиса, не изжитого и по настоящее время.

Финансовая слабость страховых органов определяет с тех пор и степень действительного, а не бумажного страхования трудящихся в советской России и делает его гораздо скромнее, чем то, каким оно представляется по парадным речам и по декретам советской власти.

Перейдем теперь к рассмотрению нынешнего положения социального страхования.

Кого, от чего и как страхует советский режим?

Установим прежде всего, в чем заключаются действующие правила социального страхования.

При временной утрате трудоспособности пособие должно равняться фактическому заработку в момент уплаты пособия.

---

[1]) См. Б. Милютин: «Социальное страхование в СССР». Москва, 1923 г. стр. 17—18.

Пособие на случай беременности и родов должно выплачиваться в течении 8 недель до и 8 недель после родов.

Дополнительные пособия при рождении ребенка сначала должны были равняться средней месячной заработной плате, а затем (по декрету 11 июля 1923 г.) были понижены до 70% бюджетного минимума. В феврале 1924 г. они были повышены до 80%. Пособие на кормление новорожденного в течении 9 месяцев по Кодексу труда должно было составлять ¼ средней заработной платы, затем было понижено до 18% и в ферале 1924 г. повышено до 20%. Дополнительное пособие на погребение должно было равняться стоимости гражданских похорон, но затем было понижено до 70% бюджетного минимума за полмесяца.

Инвалиды труда, утратившие трудоспособность вследствие увечья, профессиональной или другой болезни, старости, должны были получать пособие, равное средней заработной плате в данной местности. Затем эта пенсия была снижена до 35—70% бюджетного минимума. Пособие при смерти или безвестном отсутствии главы семьи выдается детям, братьям и сестрам моложе 16 лет, родителям и супругу, неспособным к труду, или в случае, если у них имеются дети моложе 6-ти лет.

Семьи умершего или пропавшего без вести должны были получать ⅓ средней заработной платы, если имеется один нетрудоспособный член семьи, ½ заработной платы, если имеются два нетрудоспособных члена и ⅔ при наличности более двух нетрудоспособных членов семьи. Затем эти пособия были понижены соответственно до 25%, 35% и 50% бюджетного минимума.

Пособие при безработице в начале должно было равняться ⅙ части заработка в данной местности, затем эта норма была заменена другой — ⅓ бюджетного минимума.

Таким образом, положения Кодекса законов о труде подверглись уже в 1923 г. значительным изменениям в сторону их ухудшения.

«Оставив далеко позади себя западно - европейское социальное страхование в деле обеспечения рабочих при временной нетрудоспособности, — признавал «Труд», — мы в то же время значительно отстали — об этом надо сказать открыто — от ряда буржуазных стран в деле обеспечения инвалидов и безработных, наши нормы обеспечения по этим видам страхования далеко не удовлетворительны и даже ниже установленных Кодексом законов о труде. И еще более отсталым и неудовлетворительным является и другой вид нашего страхования — обеспечение рабочих медицинской помощью» [1]).

Число «застрахованных» увеличилось значительно в течении 1923 г. и 1924 г. Оно составляло 4 899 845 человек в январе, 5 428 505 в декабре 1923 г. и 6.247 900 в октябре 1924 г. Но цифры эти в значительной степени носят чисто теоретический характер. Под числом застрахованных советская страховая статистика понимает число учтенных и подлежащих страхованию. Действительный же процент получающих страховое пособие по отношению ко всему числу застрахованных значительно меньше, как мы увидим ниже.

В средине 1924 г. число учтенных и подлежащих страхованию рабочих составляло около 80% числа членов профессиональных союзов.

Кроме того, круг страхуемых систематически сокращается.

Сначала, как было указано выше, были исключены из страхования лица, для которых работа по найму не является единственным источником существования.

---

[1]) «Труд», 30 октября 1924 г. Н. Быховский: «Ближайшие задачи Соцстраха».

Затем ряд категорий временных и сезонных рабочих был или исключен совсем из страхования или переведен на частичное страхование.

Кому служит советское страхование?

Рассмотрим теперь, как осуществляется самая выдача пособий и пенсий. Размер пособия составлял в течении 1923 г. [1]):

1923	При временной нетрудоспособности въ % къ среднему заработку	При инвалидности I категории, въ % к стоимости бюджетного минимума	При безработицѣ въ % к стоимости бюджетного минимума
Январь	65,9	28,6	22,6
Апрель	80,6	43,0	30,0
Июль	89,1	53,8	43,1
Октябрь	85,4	57,7	54,8
Декабрь	92,8	65,5	55,5

К октябрю 1924 г. размер пенсии для инвалидов составлял 25% заработной платы. Первая категория получала: в июле 1924 г. — 60%, в октябре 1924 г. — 63% заработной платы.

Страхование от безработицы, вообще, существует в значительной степени лишь на бумаге, ибо процент безработных, получающих пособия, совершенно ничтожен.

Процент безработных, получавших пособия составлял[2]):

Районы:		%
1923 г.	январь	10,2
	июль	11,0
1924 г.	январь	18,7
	июль	20,8
1925 г.	январь	23,0

Кроме того, надо иметь в виду, что в пособие при временной нетрудоспособности входит и уплата пособия по

[1]) См. «Труд в СССР», Москва, 1924 г. и «Труд», 30 апреля 1924 г.

[2]) «Известия», 9 июля 1925 г. и «Труд» в СССР».

болезни за предыдущий месяц. Таким образом, фактически это пособие еще более отстает от заработка.

Кроме того, число инвалидов I группы вообще составляет лишь 7,7% всего числа инвалидов, тогда как II группа (неспособных к труду, но обходящихся без посторонней помощи) составляет 57,7%. В этой группе в средине 1924 г. пособие не превышало 25% заработка и 50% стоимости бюджетного минимума.

До средины 1924 г., однако, и эти пособия не представляли собой для рабочего реальной величины вследствие хронического обесценения советского рубля, происходившего до марта. С введением новой, более или менее устойчивой валюты, потери, вызывавшиеся этим обесценением, были устранены, но тогда возникло другое, гораздо более грозное явление, о котором мы говорили выше и которое и в 1924 г., несмотря на денежную реформу, приняло еще более широкие размеры.

Финансовое банкротство советского страхования.

Финансовое положение страховых органов в течении всего 1923 г., продолжавшее оставаться критическим, обострилось еще более в 1924 г.

Несмотря на понижение страховых взносов в апреле 1923 г., взносы поступали весьма неаккуратно и не полностью. Обесценивавшаяся постоянно валюта делала финансовые рессурсы страховых органов ничтожными. Кроме того, национализированные предприятия находятся сами в состоянии перманентного финансового кризиса, они не имеют даже необходимых оборотных капиталов. При таких условиях понятно, что интересы социального страхования, которые в конечном счете являются интересами финансов, далеко не лежат близко к сердцу хозяйственных органов.

Наконец, по мере увеличения числа лиц, вынужденных пользоваться пособиями, расходы по выдаче пособий растут, между тем, как поступление взносов или весьма не

регулярно или совсем отсутствует. В течение 1923 года движение доходов и расходов в процентах по отношению к январю по трем главным фондам (А — временная нетрудоспособность, В — инвалидность, С — безработица) представлялось в следующем виде:

1923	А		В		С	
	Доходы	Расходы	Доходы	Расходы	Доходы	Расходы
Январь	100	100	100	100	100	100
Апрель	187	177	177	207	207	193
Июль	168	261	105	165	159	428
Октябь	173	273	107	210	159	448
Декабрь	248	314	156	239	232	559

Как видно из этой таблицы, по всем фондам расходы выросли в гораздо большей степени, чем доходы. Уже одно это обстоятельство об'ясняет с достаточной очевидностью, почему выдаваемые пособия значительно ниже тех, которые обещаны рабочим в законодательстве и почему процент полученных пособий незначителен. При этом надо иметь в виду еще и то, что в провинции положение страховых органов гораздо хуже, чем в столицах, Москве и Петрограде, и приведенные выше общие данные не выражают подлинного положения вещей.

В виду столь тяжелого финансового положения страховых органов, Комиссариат Труда, не желая производить нового понижения тарифов тотчас же вслед за произведенным в апреле 1923 г. пытался облегчить взносы со стороны предприятий и учреждений иным путем — расширяя круг предприятий, пользующихся льготным тарифом, т. е. обязанных вносить на социальное страхование не от 16 до 22%, а от 12 до 16%, в некоторых случаях, как напр., для коммунальных предприятий и учреждений этот льготный тариф был понижен даже до 7—10%.

Благодаря этому в течении 1924 г. большая часть предприятий и учреждений, обнимающих вместе более половины застрахованных, состояла на так называемом льгот-

ном тарифе, как об этом можно судить по следующим данным:

I. Льготный тариф:	Число подлежащих страхованію	в % к общему числу
1. Крупная промышленность и коммунальные предприятия ..	723 000	13,4
2. Транспорт	1 051 000	19,4
3. Учреждения состоящие на государственном или местном бюджете	1 276 000	23,6
Всего................	3 050 000	56,4
II. Нормальный тариф:		
1. I категория	753 000	13,9
2. II »	414 000	7,7
3. III »	988 000	18,3
4. IV »	200 000	3,7
Всего................	2 355 000	43,6
Итого................	5 405 000	100

Таким образом 56,4 всего числа лиц, подлежащих страхованию, считаются застрахованными по льготному тарифу. Это означает, что бремя социального страхования, возложенное на промышленность и транспорт, фактически гораздо меньше того, каким оно должно было быть согласно закону.

Тем не менее и при этих льготах промышленность не в состоянии нести возложенного на нее бремени. Задолженность промышленности и транспорта и правительственных учреждений продолжалась и в течении всего 1924 г. На 1-е августа она составляла официально 4 174 000 зол. руб., не считая суммы, на которую был приготовлен мораторий до 1-го января 1925 г. Этот мораторий был дан под условием, что хозяйственные органы после августа будут аккуратно делать текущие взносы. Между тем это условие тоже не было соблюдено, потому что тотчас же после введения моратория, промышленность снова оказалась задолженной за июль 1924 г. 275 000 зол. руб.

Общая сумма задолженности социальному страхованию со стороны хозяйственных органов составила таким образом к осени 1924 г. 12 000 000 зол. руб., из которых 3 милл. падает на транспорт и 4 милл. на один только трест «Гомза».

За 6 месяцев 1924 г. задолженность важнейших предприятий возросла следующим образом [1]):

	I марта 1924	I декабрь 1924
	(въ тыс. зол. руб.)	
1. Надеждинский комбинат	228	353
2. Пермский трест	108	122
3. Средне - Уральский трест	25	102
4. Южно - Уральский трест	70	103
5. Гомза	801	1 056
6. Югосталь	972	1 244
7. Юмт	117	327
8. Севастопольский морской завод	43	208
9. Цугаз	48	117
10. Донуголь	592	155
11. Кубань	—	140
12. Черембас	144	32
Всего.............	3 421	4 936

В Петрограде поступления и расходы по фонду пенсий составляли в 1924 г. [2]):

1924	Поступления	Расходы
Апрель	848 000	1 038 000
Май	1 303 000	1 150 000
Июнь	1 225 000	1 400 000
Июль	1 488 000	1 464 000
Всего....	4 864 000	5 052 000

Дефицит составлял около 200 000 руб. Остаток на 1-е августа достигал лишь 219 267 руб., что составляло расходную сумму всего лишь на 3—4 дня.

Постепенно такое положение стало приводить к истощению страховых фондов, к ликвидации страховых касс

[1]) «Торгово - Промышленная Газета», 28 ноября 1924 г.
[2]) «Труд», 17 октября 1924 г.

в некоторых местах, ко взысканию с предприятий и учреждений задолженных ими сумм судебным порядком, нередко к описи имущества.

Так «Известия» (18 сентября 1924 г.) сообщают из Казани: «Задолженность трестов по социальному страхованию привела к полному истощению всех фондов. 15-го мая страховая касса должна была закрыться. Выдача производилась только в экстренных случаях: на погребение и отправку в санатории и на курорты. 17 июня касса вновь открылась, при чем пособие свыше 40 руб. в месяц выдается лишь в размере 50%».

Во Владимирской губ. общая задолженность страхователей на 1-е мая равняется полуторамесячному поступлению платежей. У Нижегородской кассы расходы из фонда А превышают поступления. В Сормове главный плательщик—завод «Красное Сормово»—внес лишь 19% причитающихся с него платежей. В Томске, как сообщает та же газета, надеяться на погашение старой задолженности нельзя. Поступления страховых органов с каждым месяцем понижаются. На 1-е июля касса имела дефицит более 25 000 руб. Средства губернского фонда исчерпаны. Из Закавказья собщают о том, что взносы поступают крайне неаккуратно. Пенсионеры не могут получать денег за 3 месяца. Витебская касса заканчивает свои операции с месячным дефицитом в 20 000 руб. В тяжелом положении находятся страховые кассы в Иваново - Вознесенске, в Нижнем - Новгороде, в Брянске, в Киеве и т. п.

Нередки случаи, как мы сказали, что даже с публичных торгов продается пордукция промышленных предприятий, в целях покрытия задолженности, и понятно, что такого рода меры не способствуют хорошему положению самого производства.

Эта постоянная, хроническая, систематически накапливаемая задолженность предприятий и учреждений по социальному страхованию, вызывающая чрезвычайно тяжелое положение страховых касс, означает не что иное,

как невозможность осуществлять страхование в тех размерах, в каких оно полагается по закону и гладко изложено на бумаге.

Про советское социальное страхование можно сказать то же, что говорится в известном стишке:

Гладко сказано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить.

Тяжелое финансовое положение страховых органов во многих случаях извращает все дело социального страхования в советской России.

Так, уже в конце 1924 г. в Петрограде был принят целый ряд изменений, совершенно противоречащих закону. Лица, болеющие не боле 7 дней, получают пособие лишь в размере $^2/_3$ своего фактического заработка. Размер пособий лицам, находящимся в санаториях и курортах урезан до $\frac{1}{2}$—$^1/_3$ заработка. Пособия и пенсии инвалидам сокращены ниже минимума, установленного Комиссариатом Труда. Для инвалидов I группы, на погребение, на кормление ребенка вместо 20 руб. выдают 15 р., для I категории безработных, вместо 12 р. — 10. Выдача пенсий прекращена всем чиновникам, прекратившим работу еще до революции, и целому ряду категорий лиц, работающих по найму.

Распоряжения петроградских страховых органов явилось, однако, лишь первой ласточкой, но не весны, а новой осени в деле социального страхования. Оно показало, что отсутствие финансовых средств ставит под угрозу все дело обеспечения рабочих.

Приостановка платежей страховыми кассами заставила Центральное Управление Социального Страхования выдавать подкрепления. Всего было выдано с 1-го октября 1923 г. по 15-ое августа 1924 г. 4 милл. зол. руб.

Но эти подкрепления местным страховым органам вызвали, в свою очередь, сильное сокращение запасного фон-

да, наличность которого с января по август 1924 г. сократилась с 8 до 4 милл. руб. [1]).

Под влиянием этого обострения финансового кризиса страховых органов «хозяйственники» снова повели агитацию за понижение страхового тарифа, доказывая непосильность последнего для национализированной промышленности, которая и без того достаточно убыточна. Первоначально это понижение предполагалось до 9% (вместо 15,7%) заработной платы. Однако, такое сильное понижение встретило сильную оппозицию со стороны профессиональных союзов.

После оживленной полемики в печати и обсуждений в различных комиссиях, в процессе которых выяснился еще более целый ряд недостатков и весьма непривлекательных сторон в постановке всего дела социального страхования, пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии признал возможным понизить тариф до 14%.

Под влиянием слухов о предстоящем понижении тарифов, предприятия и учреждения заблаговременно поспешили прекратить свои взносы и финансовое положение обострилось еще больше.

Во всяком случае, новое, третье по счету в течении 2 лет, понижение тарифа, заставило страховые органы тотчас же поставить вопрос о понижении пособий и помощи рабочим.

В первую очередь предполагается сократить, а в некоторых случаях и совсем прекратить, расходы на содержание рабочих в доме отдыха, санаториях и т. п. Затем решено прекратить выплату пособий за первые 3 дня болезни, в случае, если болезнь продолжается 2 недели и уменьшить пособия лицам, находящимся в больницах и санаториях.

Наконец, одним из средств достижения экономии в расходах является борьба с «симуляциями» и с незаконны-

---

[1]) Б. Милютин: Понижение страховых взносов и задачи страховых органов. «Вопросы Труда», сентябрь, 1924 г.

ми прогулами рабочих по так наз. «больничному листку». Последнее явление оказывается чрезвычайно распространенным. В Москве насчитывается в среднем 140 случаев заболеваний на 100 застрахованных. В связи с общим упадком трудовой дисциплины в рабочей среде прогулы по «болезни» весьма распространены. До сих пор к этому вопросу все еще относились весьма халатно и смотрели на незаконные прогулы сквозь пальцы. Финансовая нужда заставляет и здесь отказываться от унаследованной от «коммунизма» сантиментальности и переходить на чисто деловую почву в отношениях между администрацией и рабочими. Однако, все эти меры не внушают деятелям социального страхования розовых надежд. Уплата пособий полностью и во время могла бы быть достигнута лишь при условии аккуратных взносов со стороны предприятий. Между тем и такое авторитетное лицо, как Б. Милютин, которого мы неоднократно цитировали, признает, что было бы неосторожно строить расходы по социальному страхованию, основываясь на надеждах на эту аккуратность.

Требования хозяйственников идут, однако, гораздо дальше. Указывая на то, что в деле социального страхования существуют в настоящее время крупные недостатки, что деятельность страховых касс протекает без всякого контроля и обнаруживает целый ряд хронических злоупотреблений, хозяйственники требуют и для себя, как для стороны непосредственно заинтересованной с финансовой точки зрения, права участвовать в управлении социальным страхованием. Так постепенно будет отменен и самый принцип самоуправления страховых касс.

История социального страхования в советской России тоже свидетельствует весьма ярко о том, как под влиянием разорения страны, вызванного всей политикой коммунистической партии, у рабочего класса отнимаются завоевания и в этой области.

Глава четвертая.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Коммунистическая теория.

Профессиональные союзы представляют собой одну из многочисленных «потемкинских деревень» советской России.

Декорация и бутафория здесь наиболее усовершенствованы и все усилия направлены на то, чтобы создать в массах наибольшие иллюзии, будто в стране существует подлинное рабочее профессиональное движение, охватывающее массы трудящихся и играющее решительную роль в правительственной политике.

Мы укажем ниже, в чем заключается бутафорский характер рабочих профессиональных союзов и как создаются иллюзии, распространяемые не столько среди русских, сколько среди иностранных рабочих.

Вопрос о прбфессиональных союзах в советской России обнаруживает и еще одну весьма характерную особенность. В этой области политика советской власти характеризуется непрерывным отступлением от начал, гордо провозглашенных в первый период большевицкой революции.

То, что происходит теперь, является лишь наследием коммунистического периода, дезорганизовавшего и развратившего все профессиональное движение. Нужно, в действительности, отличать существование профессиональных союзов от наличности организованного сознательного профессионального рабочего движения в стране.

Политика коммунистической партии и ее правительства основывалась на образовании профессиональных союзов, как формы организации населения, и не только игнорировала, но сознательно уничтожала самостоятельное професcинальное рабочее движение в России.

Ибо что такое профессиональное рабочее движение?

Это есть сознательное стремление трудящихся масс к об'единению и организации для борьбы против капиталистических предпринимателей и государственной власти за улучшение условий труда и условий жизни.

Большевики с 1917 года, после октябрьской революции, стали твердить трудящимся массам в России о том, что для этой борьбы нет более никакких оснований. Они утверждали, что частно-капиталистическая собственность экспроприирована государством, власть в котором перешла в руки трудящихся; что во всех более или менее крупных частно - капиталистических предприятиях вся прибавочная стоимость, составлявшая ранее прибыль частных капиталистов, достается отныне самим трудящимся массам; что последние сами управляют этими предприятиями, сами могут устанавливать для рабочих условия труда и сами могут распоряжаться всеми богатствами страны, так, как это наиболее необходимо для создания наилучших условий жизни.

При таком положении, для чего и кому нужно профессиональное движение? Против кого оно может быть направлено, за что оно может бороться? Все, за что вело ранее борьбу профессиональное рабочее движение, пока в России существовал частно - капиталистический строй, достигнуто с переходом власти в руки коммунистической партии.

Теперь государственная власть является властью самих трудящихся и потому в профессиональном движении нет никакой надобности.

В полной последовательности с этим утверждением, коммунисты, захватившие руководство в профессиональных союзах, выступили против права стачек для рабочих.

Действительно, если все более или менее крупные частно-капиталистические предприятия перешли в руки самих трудящихся, то против кого могут быть теперь направлены забастовки рабочих? Против предприятий, принадлежащих самим же рабочим и против администрации, во главе которой стоят те же рабочие, или против государственной власти, принадлежащей тем же трудящимся? Очевидно, это было бы явной нелепостью.

Кроме того, рабочие никогда не находили забастовку приятным времяпровожденим. Они всегда рассматривали ее, как печальную необходимость, к которой приходится прибегать для достижения желательных улучшений ценой нарушения нормальной жизни народного хозяйства. Если теперь в этой печальной необходимости нет надобности, к чему же вызывать осложнения и нарушения в промышленности, которая и без того еле влачит свое существование?

Наоборот, задача профессиональных союзов заключается в том, чтобы препятствовать стачкам, удерживать от них рабочие массы, недоросшие до понимания смысла и значения большевицкой революции, а также в том — и это опять-таки вполне последовательно — чтобы оказывать поддержку прежде всего администрации предприятия, интересы которой теперь не противоречат интересам рабочих, и государственной власти, которая есть власть самих трудящихся.

Отвергая профессиональное рабочее движение, коммунистическая партия считала необходимой организацию всего населения в профессиональные союзы.

Вне профессионального союза нет гражданина. Только члены профессиональных союзов могут пользоваться какими-либо правами. Для того, чтобы иметь права в со-

ветской республике, нужно состоять членом профессионального союза.

Поэтому участие в профессиональных союзах является обязательным, вернее — оно само собой подразумевается. Всякий гражданин советской республики считается принадлежащим к какому-нибудь профессиональному союзу. Он может получить пищу из кооперативной лавки лишь как член профессионального союза, он может получать ботинки и костюм из государственного магазина лишь, как член профессионального союза, он имеет право на квартиру, вернее, на известную жилую площадь, лишь, как член профессионального союза, может купить билет на железной дороге, может иметь у себя в комнате электрическую лампочку, может участвовать в собраниях, в советах, в комитетах, в различных выборах — лишь как член профессионального союза.

Так как лишь трудящийся может быть полноправным гражданином, то все трудящиеся должны состоять в профессиональных союзах. Принадлежность трудящегося к какому-либо профессиональному союзу есть неизбежная, естественная вещь, само собой возникающая, независимо от его воли и желания.

Участие в профессиональных союзах коммунистическая партия рассматривала так же, как и участие в потребительских обществах. Все население должно состоять членами «потребительских коммун». Вне последних оно ничего не может получать для потребления. Как каждый человек, естественно, должен иметь где-нибудь и какое-нибудь местожительство на земле, ибо не может жить в воздухе, так и каждый трудящийся, гражданин советской республики, должен считаться состоящим в какой-нибудь потребительской коммуне и в каком-нибудь профессиональном союзе.

Поэтому никакого записывания или зачисления в профессиональные союзы, в сущности говоря, не было да и не могло быть. Записывалось или зарегистрировалось

лишь число трудящихся во всяком предприятии, учреждении и т. п.

Раз трудящийся, значит подлежит зачислению в профессиональный союз.

Но если профессиональные союзы возникают и существуют по обязанности, по принуждению государственной власти, а не по желанию тех, кто в них участвует, то естественно, что государство должно и может пользоваться этими организациями для своих нужд.

Отсюда неизбежно вытекало то представление о роли и задачах профессиональных союзов в советской России, которое коммунистическая партия старалась осуществить на деле в период коммунистической политики.

Прежде всего, как и кооперация, профессиональные союзы были взяты на государственное содержание.

Членский взнос есть выражение желания участвовать в союзе и способствовать его деятельности частью своих средств. Но если это участие все равно не зависит от желания, понятно, что членский взнос теряет свой смысл. Он потерял свое значение для союза и в том отношении, что самая деятельность союзов должна была принять иной характер.

Раз государственная власть в советской республике принадлежит трудящимся и им же принадлежит управление всей хозяйственной жизнью, то профессиональные союзы, в сущности говоря, в этих условиях должны являться лишь организациями, через которые все трудящееся население принимает участие в политических и экономических делах государства.

Профессиональные союзы стали принимать наиболее активное участие в управлении национализированной промышленностью, в деле распределения продуктов, в кооперации, в управлении транспортом, в деятельности всех комиссариатов, во всевозможных хозяйственных учреждениях (ВСНХ и местных СНХ) и в особенности, конечно, в

деятельности Комиссариата Труда, который вообще был заменен на деле ВЦСПС. Профессиональные союзы слились таким образом с государственным аппаратом. Они стали частью государственной власти и приняли роль государственных органов. Понятно, что в этих условиях, старые членские взносы утратили всякий смысл.

Как и все остальные государственные учреждения, и профессиональные союзы содержались с этого времени на государственный счет. Как указывает теперь «Вестник Труда», в эту эпоху, «конечно, незачем было иметь финансовую отчетность союзов или самостоятельные финансы фабрично - заводских комитетов, ибо не было самого финансового вопроса в союзах и даже сами правления союзов (не только фабзавкомы) получали содержание от государства» [1]).

Коммунистический обман.

Все это было бы, может быть, и очень хорошо, последовательно и неизбежно, если бы коммунистическая партия говорила рабочим массам правду.

В подлинно социалистическом хозяйстве и действительно рабочем государстве в профессиональном рабочем движении, как средстве борьбы трудящихся за улучшение условий труда и за лучшие условия жизни, и действительно не было бы надобности.

Но в том-то и дело, что ни такого хозяйства, ни такого государства большевики не сумели создать, да и не были в состоянии это сделать, как это и предсказывалось старыми испытанными деятелями профессионального движения.

Увидав, что из создания социалистического государства ничего не выходит, советская власть должна была

[1]) «Вестник Труда», № 1, 1925 г., стр. 154.

бить отбой, начать отступление и восстанавливать вновь капиталистическое хозяйство и буржуазное государство.

После трех лет обмана, обнаружилось, что промышленность, перешедшая в руки трудящихся, почти не работает, никакой прибавочной стоимости не производит. Наемный труд оказался не уничтоженным. У советского государства не оказалось никаких средств не только на то, чтобы содержать профессиональные союзы, но и на уплату заработной платы, т. е. на то, чтобы оплачивать труд рабочих. Условия труда, жилищные, санитарно-гигиенические, продовольственные, отнюдь не улучшились. Все, что большевики твердили рабочим, оказалось обманом. Советской власти пришлось восстанавливать, под видом «новой политики», частно-капиталистическое хозяйство и частных предпринимателей. Даже национализированная промышленность, т. е. та, которая находится будто бы в руках «рабочей» государственной власти, должна была быть реорганизована. Пришлось дать национализированным предприятиям право вести дела «по хозяйски», т. е. стараться получать прибыль, строго следить за доходами и расходами, подтягивать дисциплину среди рабочих, увеличивать число рабочих часов, заботиться о том, чтобы заработная плата не поднималась очень высоко и не сокращала чрезмерно прибыли предприятий. Пришлось затем вводить сдельщину, против которой давно уже боролись русские профессиональные союзы.

Представители профессиональных союзов были устранены из администрации предприятий и учреждений. Введена единоличная и твердая власть директора и хозяина. Наряду с этим вновь появились частный капитал и частные предприятия, в которых насчитывается чуть ли не пол-миллиона наемных рабочих. Появилось полтора миллиона безработных.

Не имея средств и стоя на краю полной денежной катастрофы, советское государство должно было начать наводить экономию во всех областях и прежде всего сня-

ло с так наз. государственного снабжения подавляющее большинство рабочих. Договор найма перестал устанавливаться самим государством в лице профессиональных союзов. Последним было разрешено лишь договариваться и заключать соглашение с администрацией предприятий, которая большей частью отказывалась итти навстречу требованиям рабочих, потому что все равно не в состоянии их выполнить из-за тяжелого положения промышленности.

Администраторы национализированных предприятий превратились постепенно из рабочих в таких же администраторов, какими они были, когда предприятия принадлежали частным предпринимателям. Между их интересами — сокращение заработной платы, увеличение числа рабочих часов, уменьшение времени на отдых и, главное, получение возможно более дешевых рабочих рук, и интересами рабочих, связанными с более высоким заработком, создается все более и более углубляющееся противоречие.

Словом, все, об устранении чего ранее твердила советская власть, оказывается восстановленным. И потому все доводы, которые ранее большевики приводили в пользу ненужности профессионального рабочего движения в советской России, оказались сплошным обманом.

Но раз надо было восстанавливать капиталистическое хозяйство и предпринимателей, очевидно, надо было восстановить также и профессиональное рабочее движение. Тут и подтвердилось, что существование профессиональных союзов с обязательным участием в них всех трудящихся и при финансировании их государством это — одно, а профессиональное рабочее движение среди рабочих нечто совсем иное.

Профессиональные союзы существовали и их не было надобности восстанавливать. Существовали бесчисленные канцелярии, целая армия секретарей, председателей

и товарищей председателей, центральные комитеты с их президиумами, губернские советы и губернские отделы, но оказалось, что за всеми этими президиумами, председателями и секретарями никого и ничего нет. Это была кучка генералов без армии. Генералы участвовали во всех государственных учреждениях, сидели в комиссиях, голосовали в заседаниях, принимали решения. Все это делалось от имени профессиональных союзов, число членов которых гордо исчислялось на бумаге чуть ли не в 10 миллионов человек.

Но в самих то профессиональных союзах никого кроме секретарей и председателей не было.

В свое время наш бессмертный писатель Гоголь описал похождения помещика Чичикова, который для того, чтобы выдать себя за богача, покупал мертвые души. Советская власть и коммунистическая партия поступали совершенно так же, как этот крепостной помещик. Рабочих на деле прикрепляли к профессиональным союзам без их согласия и даже без их ведома. Потому и оказалось, что в профессиональных союзах почти никого, кроме мертвых душ, нет. Когда участие в профессиональных союзах было обязательным и решительно ни в чем не выражалось, всех записывали в союзы. Как бессмертный Чичиков, советская власть покупала метвые души, беря профессиональные союзы на содержание государства.

Профессиональные союзы существовали, но никакого подлинного профессионального рабочего движения в России после большевицкой революции и не было и нет еще и сейчас.

Советская власть это движение разрушила, разбила, дезорганизовала и развратила.

Когда же была введена новая политика, надо было начать восстанавливать не профессион. союзы, а прежде всего организованное профессиональное рабочее движе-

ние. Для того, чтобы рабочие сознательно могли участвовать в профессиональном движении, нужно было отменить обязательное участие и ввести добровольное. Кроме того, нужно было ввести добровольные членские взносы с тем, чтобы каждый желающий мог самостоятельно и добровольно вносить свой взнос в союз, в котором он желает участвовать. Так было провозглашено на V с'езде профессиональных союзов в 1922 г.

Казалось бы, советская власть, убедившись на опыте в лживости того, что она ранее требовала, отказалась от прежней вредной политики.

Однако, и после этого отказа, дело стало не многим лучше.

По прежнему, профессиональные союзы числятся в советской России, но организованного сознательного профессионального рабочего движения нет, потому что его развитию мешает весь советский режим и вся политика коммунистической партии.

Все дурное, что эта партия старалась привить профессиональному движению в течение 3 лет коммунистической политики, осталось и, несмотря на то, что новая политика применяется уже чуть ли не 4 года, продолжает сохраняться.

Мы увидим это сейчас на целом ряде примеров

Современный Чичиков.

Как было указано выше, под влиянием новой политики профессиональные союзы были вынуждены отказаться от системы обязательной принадлежности всех трудящихся к союзам, выражавшейся в автоматическом записывании всех поголовно и огульно, часто и без ведома самих записываемых.

Эта система, как известно, привела к вырождению всего профессионального движения и к превращению про-

фессиональных союзов в собрание «мертвых душ». На место обязательного участия было введено, с конца 1922 года, как мы только что сказали, добровольное участие с индивидуальным членством.

Этот поворот в политике союзов вызвал прежде всего сокращение числа членов вдвое. Лишь в последнее время статистика профессиональных союзов отмечает вновь рост числа членов.

Это можно видеть из следующих данных:

Даты:	Число членов	%
Июль 1921	8 428 362	100
Январь 1922	6 739 958	79
» 1923	4 499 000	53
» 1924	5 621 000	66
Июль 1924	6 036 000	71
Январь 1925 г.	6 604 700	78

Таковы официальные данные о числе членов профессиональных союзов. Для того, чтобы установить, в какой мере цифры, относящиеся к началу 1925 г., действительно выражают реальное количество членов профессиональных союзов, необходимо указать условия, при которых в настоящее время происходит вступление рабочего в союз.

Политика коммунистического периода состояла в том, что всякий трудящийся автоматически записывался в профессиональный союз. «Записывался», значит, что его записывали. Участие в союзе являлось обязательным. Рабочий, не состоящий членом союза, не мог не только получить работу, но, как мы сказали выше, не мог получить и паек, и продукты из кооператива, и квартиру, и отопление и даже освещение. Он являлся совершенно бесправным.

Вне союзов не существовало граждан, так же, как их не существовало и вне коммунистической партии. «Новая политика» должна была состоять в том, чтобы вся-

кий желающий стать членом союза, записывался в него добровольно и лишь по своему собственному, личному, добровольно сделанному заявлению.

Кроме того, в коммунистический период, членские взносы никогда не уплачивались самими членами. Так как участие в союзе являлось обязательным, то членские взносы вносились за всех рабочих самой администрацией предприятия, автоматически и без ведома самих рабочих.

При переходе к новой политике руководители профессионального движения поняли, что такая система приводит к полной оторванности рабочих масс от профессиональных союзов и что личная и добровольная уплата членского взноса каждым отдельным рабочим является необходимым доказательством желания рабочего быть членом союза и активно в нем участвовать.

Понятно поэтому, что с того момента, как профессиональные союзы перешли на начала добровольного участия и добровольного членства, единственным мерилом для проверки числа действительных, а не фиктивных, лишь на бумаге числящихся членов является самостоятельная уплата членского взноса каждым отдельным рабочим.

Но именно в этой области положение и в 1925 г. во многих случаях осталось таким же, каким оно было и раньше.

Зачисление в союз лишилось прежнего официально принудительного характера. Но его принудительность на деле продолжается, ибо очень часто, по прежнему, или администрация предприятия или фабрично - заводской комитет сам вносит за рабочего его членский взнос путем удержания соответствующей суммы из заработка рабочего.

В одних случаях в день выплаты получки рабочим, рядом с кассиром, садится член фабрично - заводского комитета. В платежной ведомости кассир отмечает сумму, удерживаемую с рабочего членского взноса, а предста-

витель комитета делает об этом удержании отметку у каждого рабочего в его членском билете. По окончании всей выплаты заработной платы, кассир передает представителю комитета собранную таким образом всю сумму членских взносов.

«При таком порядке сбора — признает официальный орган Центрального Совета Профессиональных Союзов — нет доброго желания рабочего уплатить свой взнос, со стороны союза нет даже об'яснения рабочему, куда идет его членский взнос и, наконец, сам представитель комитета, сидящий рядом с кассиром, в представленнии рабочего должен казаться представителем какого - то налогового управления, а не профессионального союза» [1].

В других случаях взносы получает заводской комитет. Не имея своего аппарата для сбора взносов, он прибегает к услугам управления завода. Он получает от завода список рабочих с указанием их заработков. Но комитет получает лишь членские взносы в союз. Все остальные взносы — на кассу взаимопомощи, в фонд безработных, взимаются с рабочих путем отчислений от заработков, производимых в кассе завода.

В этих случаях рабочий не получает даже расписки в удостоверение того, что им сделаны взносы и на какие цели.

Понятно, что при таких условиях невозможно измерять число действительных членов союза числом тех, которые добровольно, сознательно и самостоятельно уплачивают свои взносы.

Нельзя поэтому также определить, какое число из указанных выше 6 миллионов официально числящихся, являются лишь мертвыми душами, числящимися на бумаге, а какое состоит в союзах, благодаря собственному свободному желанию и собственной сознательности.

---

[1]) «Вестник Труда», № 1, 1925 г.

О том, как ничтожно сознательное участие в профессиональных союзах мы можем судить по тому, какую ничтожную сумму по прежнему составляют членские взносы [1]):

союзы (Губернск. Советы.)	Число членов.	Общая сумма взносов в руб.	Средний взнос на 1 члена в коп.
Самаркандский	10 048	1 406	14
Уральский	11 470	583	4,9
Семипалатинский ..	19 766	1 108	5
Амурский	20 261	4 155	20
Вотский	22 997	2 382	10
Ново-Николаевский .	25 213	3 748	14
Оренбургский	27 044	2 578	9
Алтайский	28 315	1 605	5,8
Вологодский	30 913	3 160	10
Архангельский	35 605	6 343	12
Волынский	37 322	2 576	6
Иркутский	44 384	6 609	12
Ульяновский	45 078	4 618	12
Царицынский	45 422	5 942	13
Пензенский	46 000	3 318	6
Черниговский	47 515	3 088	6
Вятский	47 881	5 340	11
Астраханский	56 937	8 050	14
Крымский	60 503	3 179	5
Подольский	60 534	3 023	5
Тамбовский	72 328	3 441	4,8
Тульский	79 938	10 284	12
Полтавский	83 812	3 575	4
Тверской	88 612	6 240	7
Нижегородский	131 799	20 277	15
Екатеринославский .	138 238	9 966	7,5

Если при 11½ тысячах членов удается собрать членские взносы лишь на сумму в 583 рубля, если членский взнос в среднем в некоторых союзах составляет лишь 5 копеек, то ясно, что из числящегося в этом союзе числа членов значительная часть состоит из тех же «мертвых душ».

---

[1]) «Труд», 15 марта 1925 г.

И действительно, напр., в союзе металлистов в Донбассе большая часть членов не платит своих взносов. Напр., по Сталинскому району число неплательщиков составляло в мае 1924 г. — 64,5%, в июле — 59,5%, в августе — 68,1%; по Енакиевскому району — в июне — 71,5%, в июле — 68,3%, в августе — 61,5%; в Приокском горном округе — за 10 месяцев 40% неплательщиков, во Владимире на сентябрь 1924 г. — 39%; Ц. К. строительных рабочих имеет от 40 до 60% неплательщиков.

«Вопрос о членстве в союзе, — говорил г. Андреев на собрании союза железнодорожников 1 июля 1925 г. — кончается у нас с момента формальной записи рядового рабочего в союзе»[1]).

Согласно циркулярному письму ВЦСПС № 7 от 18 июля 1925 г., «до настоящего времени не проведены на местах добровольность взимания различных отчислений с членов союзов. «Не члены союзов безоговорочно снимаются с работы». Точно также часты необоснованные исключения из союза. Наряду с этим сохраняются механические способы взимания членских взносов. Рабочего стараются загонять в союз в одних случаях рублем, в других — дубьем. Но и при этих условиях недобор по членским взносам и в 1925 г. доходит до 50%, а местами и выше[2]).

«На субсидке».

Не только в 1922 году после коммунистического периода, из которого союзы вышли без всяких средств, но и в 1924 году и сейчас, финансы союзов находятся в весьма тяжелом положении.

Так, по отчетам центральных комитетов финансовое положение их в 1923 г. представлялось в следующем виде:

---

1) «Труд», 19 июля 1925 г.
2) Там же, 18 июля 1925 г.

Даты	Число представленных отчетов	Число отчетов показавших дефициты	в %
I четверть 1923	212	118	55,7
II » »	186	99	53,2
III » »	289	154	53,3
IV » »	113	59	52,2

В 28 обревизованных комитетах дефицит составлял в % к бюджету:

Центральные комитеты:

Союза водников	60,7
» деревообделочников	15,8
» кожевников	74,0
» портных	21,2
» рабочих изящных искусств	80,2

Из 23 обследованных комитетов 12 или более половины имели дефицит.

В одних случаях этот дефицит вызывался неаккуратным поступлением членских взносов, как это видно из следующих данных, относящихся ко второй половине 1923 года:

Союз металлистов	48,0%
» химиков	46,0%
» типографов	45,8%
» швейников	44,8%
» текстильщиков	41,7%
» деревообделочников	38,1%

В других случаях этот дефицит вызывается чрезмерными расходами, главным образом, на личное содержание административного аппарата.

В 1924 году положение немного улучшилось, но главным образом, только на бумаге.

Из общего числа 23 центральных комитетов дефицитными официально считаются только 2. Но из губернских отделов более половины по прежнему обнаруживают значительные дефициты.

Из 353 губернских отделов за 1924 г. имели дефициты [1]):

На 1 апреля 1924 г.	64,6%	союзов
На 1 июня 1924 г.	58,8%	»
На 1 октября 1924 г.	39,4%	»
На 1 января 1925 г.	41,4%	»

При таких условиях бездефицитность центральных комитетов имеет весьма малое значение.

Как мы сказали выше, одной из причин высоких расходов является личное содержание административного аппарата. В этом отношении положение в 1924 г. ничем не отличается от 1923 г. и даже 1922 г., как видно это из следующих данных [2]):

Распределение расходов (в %):

Даты	Содержание служебного аппарата	Администр. расходы	Организационные расходы
4 четверть 1922	68,3	18,5	11,7
1 » 1923	71,6	15,7	12,7
2 » 1923	74,7	15,6	10,6
1 полугодие 1924	61,0	12,6	10,8

«Только создается союзная организация, ячейка, как сейчас во чтобы то ни стало стремятся у нас построить служебный аппарат, хотя бы иной раз и самой работы не хватало на столько, чтобы заполнить все время платных работников. Самый аппарат строится не в соответствии с теми средствами, которые могут быть сколочены данной союзной организацией, а в расчете на субсидии союзных органов и на то, что удастся «урвать» из разных источников» — говорит «Труд».

«Недобор членских взносов, лишая союзы твердой базы для работы, по мнению «Труда», не дает возможности губернским отделам и губернским советам выйти из дефицитного состояния и порождает условия для нездоровых

[1]) Письмо В. Ц. С. П. С. «Труд», 18 июля 1925 г.
[2]) Там же, №№ 10, 11—12, 1924 г.

явлений, так как при этом развивается легкомысленное, неряшливое отношение к союзным средствам и специальным фондам» [1].

За 1924 год в центральные комитеты поступило всего членских взносов 6 566 745 рублей, остаток на 1925 г. по 20 центральным комитетам составлял 932 753 р. Но в этих центральных комитетах насчитывается 520 дефицитных губернских отделов и районных комитетов, общий дефицит которых выражается в 1 043 677 руб.

Этот дефицит был покрыт у 198 губернских отделов субсидиями от центральных комитетов на 207 457 руб., а 322 отдела должны были покрыть дефицит в 836 220 руб. из других источников.

По мнению «Труда», эти цифры показывают нездоровую, неправильную политику всех центральных комитетов.

Отчисления членских взносов в центральные комитеты производятся таким образом лишь для того, чтобы они могли иметь свои аппараты, накоплять и иметь на текущем счету средства.

Например, центральный комитет строителей имеет 9 дефицитных губернских отделов с общим дефицитом в 4 207 руб. Получив отчисления от губернских отделов на 298 301 руб., центральный комитет не послал им ни одной копейки на покрытие дефицита, а в кассе у него осталось на 1 января 1925 г. 140 380 руб.

Центральный комитет пищевиков имеет 43 отдела с дефицитами в 33 339 руб. Собрав от отделов отчисления на 273 362 р., он послал субсидии 7 отделам на 1 283 руб., остаток наличными составлял у него на 1 января 1925 г. 72 565 р. и т. д.

Таким образом, в то время, как центральный комитет располагает излишками, которые он тратит на содержание аппарата, отделы союза имеют дефициты и вынуждены для их покрытия тратить свои фонды.

---

[1]) «Труд», 15 марта 1925 г.

По прежнему губернские отделы живут в значительной степени не столько на членские взносы, сколько благодаря полученным от центральных комитетов субсидиям.

	1 пол. 1923	1 пол. 1924
	Источники доходов (в %)	
Членские взносы	59,3	56,2
Субсидии	21,7	27,6
Разные доходы	6,6	9,2
Всего............	87,6	93,0

Финансовое благополучие союзов является таким образом фиктивным или во всяком случае весьма непрочным.

«Герои и толпа» профессионального движения.

Администрация профессиональных союзов, хотя и состоит из выбранных рабочих, но отличается, во-первых, чрезвычайной деморализованностью, во - вторых, бесхозяйственным ведением дела, в третьих, полной оторванностью от членов своего союза.

Прежде всего почти совершенно отсутствует отчетность органов союза. Союзы отчитываются в своей работе обычно только перед перевыборами.

Финансовая отчетность существует еще реже. Заметно, что союзы с наиболе раздутыми штатами, с наиболее крупным дефицитом принадлежат именно к тем, которые наиболее слабы по части отчетности [1]).

Кроме того, с того времени, как в союзных органах стали появляться кое-какие излишки, начало распространяться и другое явление — растрата средств союза. Эти растраты плучили в настоящее время двоякую форму: прямые и косвенные растраты.

---

[1]) «Вестник Труда», № 1, 1925 г., стр. 160.

Последний вид растраты становится наиболее распространенным. Представляемые оправдательные документы превышают сумму, которая в действительности истрачена; число командировочных дней увеличено; показываются непроизведенные расходы по раз'ездам и т. п.

По мнению «Труда», в основе растрат, как прямых, так и косвенных, лежит одна и та же причина — небрежность к союзным средствам.

Союзные средства залеживаются в фабрично-заводских комитетах, союз не проверяет по членским книжкам, сколько средств собрано, не устанавливает твердых сроков рассчетов, не следит за периодическим вывешиванием в предприятиях отчета заводского комитета. За союзом идет ревизионная комиссия, которая не собирается регулярно, не проверяет документов, не возбуждает вопроса об устранении тех или других непорядков.

Злоупотребления не прекращаются: в одном месте председатель местного комитета растратил несколько тысяч рублей, в другом — из союзных средств выданы явно незаконные авансы на такую сумму, которая никогда не может быть возвращена, в третьем — командированный в Москву на несколько дней представляет документ об истрате на трамвайные раз'езды полтора десятка рублей [1]). В одном Петрограде за 1 год было 14 случаев растраты. По мнению Томского, растраты стали массовым явлением и волна растрат союзных денег прокатилась по всему Союзу ССР. Растрачены в общем очень большие союзные деньги. На Петроград и Москву приходится сотни тысяч, на крупнейшие союзы на каждый до сотни тысяч рублей» [2]).

Руководители профессиональных союзов, как говорит Томский, благоденствуют, не понимая всего ужаса этой

---

[1]) «Труд», 14 марта 1925 г.

[2]) Томский. К недостаткам профсоюзного механизма. «Вестник Труда», № 7, 1925 г. стр. 10.

болезни и как всякую дурную болезнь стараются ее скрыть.

«Командный состав» профессионального движения разлагается, а вместе с ним и все профессиональное движение.

Профессиональный союз заражен и другой болезнью — чиновничеством. Каждый считает своим долгом показать перед высшим органом, что у него все благополучно. «Если есть что-нибудь плохое, гнилое, стараются это закрыть, замазать, не показать. Вместо того, чтобы вскрыть нежелательное явление, пытаются их закрыть. Точка зрения своей колокольни господствует» [1]).

Наконец, состояние и деятельность фабрично-заводских комитетов носят и в начале 1925 года такой же характер, какой они имели и в 1923 г. и на который мы уже указывали выше. Вся работа по прежнему сваливается на платный союзный аппарат. Члены фабрично-заводских комитетов, члены правлений часто не несут никаких обязанностей.

В комитетах работают президиумы и единоличные председатели или секретари. Комиссии существуют фиктивно, собираются очень редко, вопросы на предварительную разработку им не передаются и у них нет никакого интереса собираться [2]).

Все отрицательные стороны в деятельности фабрично-заводских комитетов продолжают существовать и в настоящее время.

По данным обследования инструкторов, по прежнему общие собрания проводятся неудовлетворительно. Рабочие на собраниях инертны. И эта инертность и робость рабочих об'ясняется тем, что рабочие массы совершенно

---

[1]) Речь Томского на 7-м с'езде швейников. «Труд», 20 февраля 1925 года.

[2]) «Вестник Труда», № 1, 1925 г., стр. 146.

не отделяют заводские комитеты и заводоуправление. «В материальных вопросах комитет сплошь и рядом становится на точку зрения заводоуправления».

Отсюда — недоверие к законам, недоверие к профессиональной организации, пассивность» [1]).

Сам комитет не проявляет никакого интереса к определению настроения масс. Вопросы разрешаются в ячейке, в комитете, общие же собрания созываются для соблюдения формы.

Комитет совершенно оторван от цеха. Цеховой уполномоченный — представитель заводского комитета, далеко не всегда избран цехом и не всегда удовлетворяет своему назначению.

Что делают заводские комитеты, в сущности говоря, неизвестно. Большей частью они выродились в канцелярии, которые существуют только для того, чтобы платить содержание ничего неделающим членам.

«Комитеты, — пишет «Труд», — размениваются на мелочи, заручаются справками и удостоверениями, делают первую попавшуюся работу, замыкаются в рамки инструкций, положений, планов, календарных расписаний, разрабатываемых по шаблону губернскими отделами. Чувства ответственности перед рабочими нет. Есть лишь боязнь налета какого-нибудь союзного чиновника сверху».

Связь с рабочими (и то не всеми, а лишь через делегатов и уполномоченных) поддерживается только на производстве и в рабочее время.

Хотя завод работает круглые сутки, но и днем не всегда можно найти представителя фабрично-заводского ко-

---

[1]) «Труд», 14 марта 1925 г.

митета. «А каково живется рабочему дома, в ближайшем селе, в клубе — комитета не касается. Это не входит в его функции, а если и входит, все равно не обнаруживается».

Деятельность одного местного рабочего комитета характеризуется следующим образом:

«В комитете—неподвижность, канцелярщина. Секретарь комитета зарыт в бумагах и далее своей канцелярии не выходит... Технические работники совершенно чужды союзной работе. Относятся к своей работе чисто формально, на заседаниях и собраниях не присутствуют». «Комиссии по охране труда никто никогда не видел». «Культурно-просветительная комиссия в загоне». «Индивидуальное взимание членских взносов, как форма связи совершенно не используется» [1]) и т. д. Таково состояние этой «школы коммунизма», как называет профессиональные союзы коммунистическая партия.

Фабзавкомы защищают большей частью интересы не рабочих, а заводоуправления. Члены фабзавкомов подкупаются администрацией завода очень легко —путем отдачи им квартир, материалов для ремонта, предоставления лошади и экипажа, а иногда и автомобиля на раз'езды. Получают «комитетчики» иногда и более простой натурой — товарами, произведенными фабрикой [2]).

На многих заводах члены комитетов получают жалованье по общим ведомостям с рабочими и в конторе предприятия. Для того, чтобы показать рабочим, что они заслуживают свое жалованье, члены комитетов всячески стараются показать, какое активное участие они принимают в организации производства. При этом они нередко вы-

---

[1]) «Труд», 14 марта 1925 г.

[2]) «Труд» за 1924 г. и «Вестник Труда», № 1, 1925 г.

ступают в защиту необходимости работать, несмотря на неудовлетворение рабочих со стороны администрации [1]).

Обо всем этом обильные факты сообщает последнее циркулярное письмо ВЦСПС от 18 июля 1925 г.

На одной фабрике завком отказывает рабочим в созыве собрания для обсуждения вопроса о задержке в выплате заработка.

На другом заводе завком не созывает собрания из боязни, что это собрание помешает переговорам между союзом и правлением треста. Часты случаи, когда фабзавкомы выносят выговоры или прямо исключают из союза и снимают рабочих с работы за нарушение правил внутреннего распорядка, за празднование религиозных праздников и т. п.

Союзные органы выступают перед рабочими в положении хозяйственного органа. Хозорганам выдаются даже ссуды правлениями союзов.

Неудивительно поэтому, что рабочие отождествляют свой союз или фабзавком с управлением завода.

В глазах рабочих фабзавком олицетворяет администрацию и отношение к нему то же, как и к управлению завода.

Но, если рабочие не посещают собраний союза и относятся к последнему не только недоверчиво, но и с враждой, то это происходит еще и потому, что выборность в союзах фактически давно упразднена, а каждое свободное слово критики на собраниях может повлечь на смельчака скорпионы коммунистичекой партии, для которой профсоюз или завком являются простым орудием власти и расправы с недовольными.

---

[1]) «Вестник Труда» № 1, 1925 г. стр. 144. «Труд», 18 и 19 июля 1925 года.

ВЦСПС пишет по этому поводу циркуляры. Господа Андреевы произносят страстно либеральные речи, но «воз и ныне там». Советская власть жнет то, что сама посеяла. Она так долго старалась о том, чтобы превратить союзы или в органы государственной власти или в органы администрации предприятий, что теперь перевоспитать рабочих и внушить им снова, что профессиональные союзы независимы от администрации не представляется возможным.

Штрейкбрехеры и фабзавкомы стали синонимом в глазах рабочих.

В этом отношении советская власть достигла своего: она действительно превратила союзы в «школу коммунизма» на советский образец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Никогда еще рабочий вопрос не стоял в России столь остро, как в настоящее время. Немезида коммунизма в советской России в том и состоит, что в этой «социалистической» республике, при «рабоче-крестьянской» власти, при так называемой полной политической свободе для рабочего класса, существует рабочий вопрос, и как вопрос экономический, и как вопрос социальный. Трагизм положения заключается также и в том, что, по мере того, как идет известное восстановление русского народного хозяйства, исчезают последние остатки коммунизма и совершается во всех областях восстановление капиталистического строя, положение рабочего класса, и материальное, и социальное, и правовое резко ухудшается. Мы этим вовсе не хотим сказать, что положение рабочего класса в настоящее время, при применении «новой политики» хуже, чем то, каким оно было в эпоху коммунизма. Тогда рабочий класс вымирал физически, убегал из городов в деревни, спасаясь от голодной смерти, или шел в красную армию. Новая экономическая политика, бесспорно, улучшила условия жизни.

Но в ту мрачную эпоху, которую теперь и сами коммунисты не поминают добром, голодала, холодала, вымирала, разрушалась и разорялась вся страна.

Тогда была также и та цель, тот идеал, во имя которого рабочий класс заставляли, а иногда он и сам готов был

терпеть, тяжелые лишения: ближайшее осуществление социализма и в России и во всем мире.

Теперь положение резко изменилось.

Теперь хотя вся страна в целом продолжает голодать и холодать, но появляются уже отдельные группы населения, которые чем дальше, тем все больше выходят из прежнего состояния нищеты, разорения, тяжелой экономической нужды.

Размножились, ведь, не только «красные» купцы, «красные» промышленники, «красные» фабриканты, но и частные «капиталистики» и даже капиталисты всех видов и рангов.

Накопление капитала, хотя с трудом, с перебоями, но все же совершается и у частных лиц.

Распределение народного дохода между различными классами населения, как и до революции носит несправедливый характер.

Советские деятели любят хвастать тем, что производство в советской промышленности достигло довоенного уровня. Если бы это было верно, то что же означал бы, при этом, тот факт, что заработная плата едва дошла до $^4/_5$ довоенной? Это означало бы, что из народного дохода рабочий класс получает теперь гораздо меньше того, что получал до революции.

Рабочий класс и, действительно, живет в советской России в большой нищете и в более трудных условиях борьбы за существование.

Интеллигентный труд расценивается на гроши.

Социальное страхование обеспечивает рабочему треть минимума средств к существованию.

В невиданных размерах растет безработица, пролетаризуется городское население, вымирает и живет в

неслыханной нищете значительная часть деревенского населения.

Противоречия между интересами предприятия в лице его администрации и интересами занятых в нем рабочих обостряются.

Предпринимательский класс хозяйственников ведет упорную борьбу против повышения заработной платы, против расширения социального страхования, за большую эксплоатацию труда.

Биржи Труда сведены на нет.

В этой борьбе за большую долю из народного дохода в свою пользу хозяйственная и государственная чиновничья советская бюрократия встречает благосклонную поддержку у руководителей профессиональных союзов.

«Комитетчики» превратились в чиновников, состоящих на службе или у правительства, или у администрации заводов, или даже у отдельных лиц.

Они восприняли все старые привычки, всю психологию, все обычаи старых чиновников. Рабочие массы для них превратились в машину для голосования. Профессиональные союзы — лишь декорация, вытаскиваемая на время приезда иностранных гостей.

Профсоюзная бюрократия служит большей частью интересам более близких ей хозяйственников, оторвалась от масс и устраивает свои дела за счет рабочих.

Давно уже советская Россия превратилась снова в буржуазно-капиталистическое государство.

На спинах рабочих руками новой бюрократии, новой буржуазии из коммунистов коммунистическая партия или та же советская власть строит новый храм капитализма.

За стеной этого храма стоят 6 миллионов трудящихся, 1½ миллиона безработных, миллионы голодающего крестьянства и все лучшие живые силы страны.

Советский режим отнимает пядь за пядью у рабочего класса все завоевания революции. Он распростер над Россией самую черную, самую гнусную реакцию.

Он поставил перед рабочим классом основной вопрос его существования: нужно ли сохранять режим, разоривший, развративший, дезорганизовавший рабочий класс и его профессиональное движение в таких размерах, как этого никогда и нигде не осуществил ни один реакционнейший строй?

